

Игорь Орлав

БЫВШИЕ.

До передачи ключей

Современный любовный роман

Игорь Орлав

Бывшие. До передачи ключей

«Автор»

2026

Орлав И.

Бывшие. До передачи ключей / И. Орлав — «Автор», 2026

Пять лет после развода Марина и Андрей общались о платежах и жильцах. Теперь жильцы съехали, нашлись покупатели, и у бывших супругов есть тридцать дней, чтобы привести общую квартиру в порядок и передать ключи. Марина готова делить расходы, красить стены и разбирать коробки. Гораздо труднее привыкнуть к тому, что Андрей снова умеет её рассмешить. Он помнит её любимую еду — только вкусы успели измениться. А вот голос, на который она по-прежнему оборачивается, остался тем же. У каждого уже есть планы на деньги от продажи. Андрею нужно помещение для студии, Марине — возможность уехать на новую работу в Москву. Пять лет назад они так и не договорились, как жить в двух городах. Чем легче им проводить вечера вместе, тем страшнее спросить о том, что начнётся после тридцатого сентября.

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тридцать дней	6
Глава 2. Список повреждений	10
Глава 3. По одной коробке	15
Глава 4. Ничего личного	20
Глава 5. Показать квартиру	25
Глава 6. Другая работа	30
Глава 7. Кто здесь жил	35
Глава 8. Как раньше — не значит хорошо	40
Глава 9. Своя версия	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Игорь Орлав

Бывшие. До передачи ключей

Игорь Орлав

Бывшие. До передачи ключей

Современный любовный роман

© Игорь Орлав, 2026

Оглавление

Глава 1. Тридцать дней

Глава 2. Список повреждений

Глава 3. По одной коробке

Глава 4. Ничего личного

Глава 5. Показать квартиру

Глава 6. Другая работа

Глава 7. Кто здесь жил

Глава 8. Как раньше — не значит хорошо

Глава 9. Своя версия

Глава 10. Не заезжай без звонка

Глава 11. Мать и сын

Глава 12. То лето

Глава 13. Привычная рука

Глава 14. За пределами квартиры

Глава 15. Второе знакомство

Глава 16. После поцелуя

Глава 17. Можно попробовать

Глава 18. Хорошие новости

Глава 19. Предложение

Глава 20. Честное «не знаю»

Глава 21. Старая скорость

Глава 22. Не экзамен на любовь

Глава 23. Цена каждого варианта

Глава 24. Не надо бросать всё

Глава 25. Обыкновенная работа

Глава 26. Конкретное будущее

Глава 27. Ответить вовремя

Глава 28. Забрать своё

Глава 29. Последняя ночь квартиры

Глава 30. Передача ключей

Глава 31. Первый месяц

Глава 32. Дом, который выбрали сейчас

Эпилог. Ключи от дома

Глава 1. Тридцать дней

Ключ вошёл в замок со второй попытки. За пять лет он отвык от моей руки или я от него — в любом случае начинать с претензий к неодушевлённому предмету было рано.

В подъезде пахло вымытой лестницей и чьим-то подгоревшим завтраком. За дверью стоял другой запах: пустой холодильник, дешёвое средство для пола, немного пыли. Последние жильцы уехали накануне. Вечером Андрей принял у них квартиру и прислал мне короткое сообщение: «Всё освободили. Завтра в десять, как договаривались». Я ответила большим пальцем и сразу пожалела. Слишком бодрый жест для продажи места, где мы прожили восемь лет.

Теперь у меня было двадцать минут, чтобы перестать об этом думать.

Я сняла туфли, хотя пол предстояло мыть, и поставила сумку на единственный стул в прихожей. Когда-то мы держали здесь корзину для шарфов. Корзина исчезла ещё при первых арендаторах, а маленькая тень от неё почему-то сохранилась у меня в голове точнее, чем целые месяцы того времени.

Встроенный шкаф открывался с прежним негромким щелчком. Внизу были пустые плечики и оставленный пакет с пакетами. В верхнем отсеке лежали наши коробки. Дверцу мы заперли перед первым заселением и отдельно договорились, что этот отсек останется закрытым. Я привезла маленький ключ, но пока не полезла за ним. Сначала осмотр. Потом вещи. По возможности именно в таком порядке.

На холодильнике держался магнит с рекламой доставки воды. Я отлепила его и не знала, куда деть. Выбросить чужую полезную вещь было глупо. Оставить на холодильнике, который мы собирались продавать вместе с квартирой, — тоже ничего не стоило. Я прикрепила его обратно, уже криво.

Из окна кухни был виден краешек Волги между домами. Не тот величественный вид, который помещают на обложки городских календарей, а узкая серебристая полоска над парковкой. Утром вода выглядела спокойной. На подоконнике кто-то оставил засохший круг от цветочного горшка. Я провела по нему пальцем, записала в телефон: «Подоконник — отмыть» — и почувствовала себя увереннее.

В рабочем чате появилось сообщение от автора курса: «Марина, можно оставить “очевидно” в третьем уроке? Это же очевидно».

Я присела за кухонный стол. Столешница была новая, сероватая; наш прежний стол мы отдали ещё перед сдачей квартиры.

«Для вас — да. Для человека, который пришёл научиться, нет. Нужен один пример».

Автор немедленно позвонил.

— Я не успеваю перезаписать весь кусок.

— Весь не нужно. Вставим отдельный пример после объяснения.

— А кто его напишет?

— Вы пришлёте ситуацию из практики, я помогу сократить. Только настоящую ситуацию, пожалуйста. Не ту, где всё получилось с первого раза.

Он рассмеялся и начал рассказывать о сотруднике, который перепутал два столбца. Я слушала, помечая карандашом на обратной стороне старой квитанции, найденной возле холодильника. Из рассказа получалось хорошее упражнение. Минут на десять. С ошибкой, которую можно было исправить, не начиная всю жизнь заново.

— К обеду пришлю, — сказал автор. — Вы сегодня сможете?

— После четырёх. До этого меня нет.

— Но правка-то небольшая.

— Да. Поэтому после четырёх успеем.

Он согласился, чуть удивившись. Я положила телефон экраном вниз. Когда-то я обязательно объяснила бы, где нахожусь, зачем мне нужны несколько часов и почему квартиру нельзя продать в обеденный перерыв. Теперь училась обходиться без пояснительной записки к собственному расписанию. Выходило не всегда, но сегодня получилось.

За стеной заработала дрель. Я подняла голову к знакомому месту, хотя сосед, любивший ремонтировать по утрам, давно переехал. В квартире сверху мог жить кто угодно. Я ничего не знала о новых соседях, об их собаках, о времени, когда во дворе появлялась мусорная машина. Предстояло перестать отвечать на вопросы о доме, опираясь на память.

Я свернула квитанцию и убрала в сумку. Упражнение про столбцы поедет со мной. Здесь из моего уже почти ничего не было.

В девять пятьдесят три позвонила Нина.

— Я внизу. Можно раньше?

— Конечно.

— Отлично. Тогда встречайте человека с рулеткой и неприятными вопросами.

Нина была невысокой женщиной в тёмно-зелёном брючном костюме и кроссовках, которые многое объясняли о её рабочем дне. В одной руке она держала телефон, в другой — папку. На пороге достала из сумки бахилы.

— Здесь можно просто разуться, — сказала я.

— Можно. Но через сорок минут мне обратно в обувь, и за день таких квартир бывает шесть. Вы Марина, мы правильно друг друга узнали?

— Да. Зорина.

— Нина. Будем считать знакомство подтверждённым.

Она не сказала «уютно» и не стала хвалить расположение комнат. Прошла к кухонному окну, проверила, как открывается створка, осмотрела потолок. Я ждала приговора, словно привела на редакторскую планёрку неудачный текст.

— Что хотели сделать до показа?

— Покрасить стены. Заменить что-нибудь на кухне. Убрать всё лишнее.

— Что-нибудь — самая дорогая строка в смете. Сейчас определим. Потёки когда-нибудь были?

— При нас нет. От жильцов жалоб не было.

— Хорошо. Если чего-то не знаете, так и отвечайте. Покупателю можно уточнить позже. Придумывать уверенность на месте не надо.

Мне стало легче. С человеком, который разрешал чего-то не знать, можно было работать.

Мы прошли в гостиную. Диван жильцы увезли свой, и посередине комнаты остался светлый прямоугольник. Возле окна стоял наш старый складной стол, а в углу — торшер без плафона. Я успела решить, что торшер выброшу, как Нина присела у стены.

— Плинтус отошёл. Вот это исправить. И крепления над столом убрать. Здесь была полка?

— Да. Потом её сняли.

— Значит, отверстия заделать. Пол лучше хорошенько вымыть. Менять его ради продажи точно не нужно.

Я записывала. От коротких поручений квартира делалась меньше: две комнаты, кухня, несколько повреждений. В неё можно было войти с рулеткой и выйти с выполнимым планом. Очень обнадёживающее свойство для квартиры.

Звякнул замок.

Руку с телефоном я опустила раньше, чем увидела Андрея.

Он остановился на пороге гостиной с пакетом в руке. На нём была светлая рубашка с подвёрнутыми рукавами, под мышкой зажата тонкая папка. Волосы стали короче, а у висков оказалось больше седины, чем при нашей последней встрече у банка. Я сразу узнала маленькое

движение плечом, которым он поправил сползавшую ручку пакета. Слишком малозначительная подробность, чтобы замечать её так отчётливо.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

Голос был прежним. Я совершенно не нуждалась в этой информации и всё же получила её первой.

Нина представилась. Андрей пожал ей руку и поставил пакет на стол.

— Вода. И стаканы. Тут ничего не осталось.

— Своевременно, — сказала она. — Мы уже дошли до плинтуса.

— Он и раньше держался на честном слове.

— Значит, слово надо заменить на крепление.

Андрей усмехнулся, а я открыла в телефоне новую строку, чтобы не смотреть, как он улыбается.

Последние годы мы виделись редко: документы, банк, один неловкий разговор на похоронах общего знакомого. По квартире переписывались спокойно. Жильцами больше занимался он, платежами — я. Этого хватало, чтобы не становиться чужими в юридическом смысле и не встречаться в человеческом.

Теперь Нина попросила нас встать по разные стороны гостиной и подержать рулетку.

— Вы же понимаете, что старый план у вас уже есть? — сказала я.

— Есть. Хочу проверить, куда покупатели собираются ставить свой шкаф.

Андрей прижал начало ленты к стене. Я отступала, и возле порога пятка попала на край свёрнутого коврика.

— Сзади, — сказал он.

Я остановилась.

Он не протянул руку, не шагнул ко мне, просто предупредил. А я всё равно на мгновение почувствовала ладонь между лопатками — то привычное касание, которым он направлял меня в тесных местах. Тело оказалось плохим исполнителем моих решений. Ему требовались дополнительные инструкции.

— Спасибо. Здесь три восемьдесят.

— Записала, — отозвалась Нина. — Теперь главное. Виктория с Рустамом готовы посмотреть квартиру пятого числа. Они получили фотографии ещё до отъезда жильцов, район знают. У них заканчивается аренда, и им нужна передача до конца сентября. Тридцатого квартира должна быть свободна полностью, с работающей кухней. Если не успеваете, говорим сейчас.

— Успеем, — сказала я.

— Надо посмотреть объём, — одновременно произнёс Андрей.

Мы замолчали. Нина убрала рулетку и не стала делать вид, что ничего не услышала.

— Поэтому мы здесь втроём. Сам срок вас устраивает?

Я кивнула. Андрей сказал:

— Да. Срок устраивает.

— Хорошо. Это пока наш рабочий ориентир. Покупатели ещё не выбрали окончательно. Взамен вашей готовности они не обязаны влюбиться в квартиру. Но давать им обещание, которое вы не выполните, не будем.

Она положила папку на стол и достала лист с перечнем документов, которые уже запросила у нас по почте. Я узнала свои пометки на распечатке. Андрей протянул ей бумаги из собственной папки. Он держал её за нижний угол, чтобы листы не высыпались, — раньше у него всё выпадало именно в момент, когда требовалось выглядеть собранным.

Нина сверила несколько позиций, спросила о закрытом кредите и согласованных долях. Здесь мы отвечали без заминок. Никакого спора о том, кто сколько вложил, не осталось: эти

вопросы мы решили до звонка риелтору. Доход от аренды годами помогал выплачивать остаток кредита и покрывать расходы. Продать можно было и раньше, но мы всякий раз находили причину перенести разговор. В этом месяце причины кончились одновременно с арендой.

— По документам недостающие вещи пришлёт мне отдельно, — сказала Нина. — Подготовку будем вести параллельно. В последний день чудес не планируем.

Андрей отвинтил крышку бутылки. Вода хлюпнула в бумажный стакан, и он поставил его ближе ко мне. Я потянулась, не поблагодарив, так быстро и естественно, будто мы продолжали завтрак, а не начинали продажу. Остановила руку.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Нина выпила свою воду стоя. У неё уже звонил телефон, но она перевернула его экраном вниз.

— Объясню ещё одну вещь. Вам необязательно делать квартиру такой, в которой вы сами захотите жить. Нужно исправить заметное, убрать личное и показать реальное состояние. Иногда продавцы увлекаются, покупают кухню, потом хотят прибавить все затраты к цене. Мы так не делаем.

— Мы здесь жить не собираемся, — сказала я.

Слова прозвучали громче, чем требовалось. Андрей смотрел на край стола, где отошло покрытие.

— Это я уже поняла, — спокойно ответила Нина. — Тогда задача легче.

Она предложила начать с кухни, пока дневной свет падал на повреждённую стену. Андрей взял бутылку, я — телефон и карандаш, который нашла в сумке. В дверях мы чуть не столкнулись и одинаково отступили.

— Проходи, — сказал он.

Я прошла. От его рубашки пахло чистой тканью и чем-то незнакомым, сухим, древесным. Другая туалетная вода. Я почему-то обрадовалась этому маленькому доказательству: пять лет действительно прошли, и мы не обязаны были помещаться в свои прежние очертания.

На кухне Андрей открыл нижнюю дверцу. Под раковиной вздулась полка, от края отслоилось покрытие. Он присел, тронул сухую поверхность пальцем.

— Текло?

— Жильцы говорили, меняли шланг весной, — ответила я. — После этого сухо.

— Пусть мастер проверит соединения. Полку заменим.

Я записала. Нина смотрела на нас поверх папки, дожидаясь, пока будет понятно, кто произнёс «заменим» и кто станет искать мастера.

— Я могу вызвать, — добавил Андрей.

— На какое число? — спросила я.

— Сейчас позвоню, узнаю.

Он достал телефон. Я отступила к окну, освобождая место, и увидела в стекле наше отражение: я с карандашом, он на корточках у чужой уже кухни, Нина между нами. Ничего особенного. Три человека решали, что можно успеть за месяц.

На экране моего телефона всё ещё была открыта первая заметка. Над строкой «подоконник — отмыть» я написала: «Передача — 30 сентября».

Впервые после входа в квартиру дата выглядела не угрозой и не облегчением, а делом, которое нам предстояло закончить.

Глава 2. Список повреждений

Мастер мог прийти третьего числа между двумя и четырьмя. Андрей повторил время, глядя на меня, и я кивнула прежде, чем сообразила, что у меня в три созвон.

— Подожди, — сказала я. — Я не смогу его встретить.

Андрей отвёл телефон от уха.

— Я смогу. Поэтому и спрашиваю.

— Тогда да.

Он закончил разговор, записал имя и номер на моём листке. Павел. Напротив окна времени я поставила букву «А». Вышло похоже на обозначение класса энергопотребления. Я удержалась от комментария: слишком мало прошло времени, чтобы шутить о распределении обязанностей.

Нина потянула кухонную дверцу на себя и отпустила. Дверца ушла немного вбок.

— Это тоже покажите мастеру. Сможет отрегулировать — хорошо. Нет, найдём другого. Важнее понять, что повреждено, прежде чем покупать новую кухню.

— Кухню никто не собирался покупать, — сказала я.

— Обычно так говорят за час до выбора фасадов.

Она посмотрела на часы и повела нас дальше.

Список получался нестрашным, пока мы не дошли до спальни. У стены, где раньше стояла кровать, краска отличалась по цвету от остальной: жильцы пытались закрасить следы и промахнулись с оттенком. У самого пола тянулась серая полоса. В углу торчал провод от старого настенного светильника.

Андрей присел у него, но Нина сразу сказала:

— Электрику оставьте электрику.

— Я только смотрю.

— Все так начинают. Запишите отдельным пунктом.

Я записала. Андрею её распоряжение, кажется, понравилось: он поднялся с облегчением человека, официально освобождённого от неуместного подвига.

— Розетка справа тоже иногда отходила от стены, — сказала я.

— Уже не отходит. Её меняли года два назад.

Он проверил ладонью рамку, не разбирая. Я вычеркнула строку, которую только начала писать.

— Ты мне говорил?

— В переписке было. Там ещё квитанцию пересылал.

— Наверное.

Нина фотографировала стены. Я вспомнила бесконечный чат под названием «Квартира»: показания счётчиков, даты оплат, скриншоты чеков. Среди них наверняка лежала и эта розетка. Я могла отыскать её за минуту, но не стала. Было неприятно обнаружить, насколько мало я знала о месте, половина которого по-прежнему принадлежала мне.

На балконе обнаружили две пустые банки, швабра без насадки и пластиковый ящик. Я открыла крышку. Внутри лежали старые крепления для сушилки и запечатанный пакет прищепок.

— Это ваше? — спросила Нина.

— Нет, — ответили мы одновременно.

Впервые наши согласованные показания касались прищепок.

— Тогда отдельно сложить и уточнить у последних жильцов. Если не нужно, уберёте. Балкон освободить обязательно. Его приходят смотреть как дополнительные метры, а не как чужое решение ничего не выбрасывать.

Я поставила ящик у двери. Андрей взял швабру, надел на рукоятку маленький пакет и отставил в угол, чтобы острый обломок никого не задел. Простое движение; прежде я бы его не заметила. Теперь почему-то заметила.

Из спальни Нина позвонила Виктории. Говорила негромко, но не скрывалась:

— Да, осмотрели. Подготовка разумная, до конца месяца успевают. Пятое число сохраняем... Нет, краска местами ещё будет пробная, я предупреждала. Вы увидите состояние, и мы согласуем, что остаётся сделать.

Потом она спросила о времени. Я показала на телефоне свободное окно после пяти; Андрей проверил свой календарь. Сошлись на шести вечера.

— Вам обоим желательно быть, — сказала Нина, убрав телефон. — По бытовым вопросам вы ответите быстрее. А торг и документы оставьте мне. Не нужно каждому отдельно обещать покупателям всё, что они захотят.

— Они ещё не видели, а уже хотят? — спросил Андрей.

— Пока хотят в удобное время. С этого обычно начинают все участники.

Она застегнула папку. У двери мы ещё раз проговорили, какие документы дослать, когда ей понадобятся новые фотографии и почему до показа не стоит перекрашивать одну комнату в три разных цвета. Нина оставила нам запасной бумажный список с пустыми клетками.

— Ставьте галочки. Помогает больше, чем обещания «в целом всё готово».

После её ухода стало слышно, как на кухне гудит холодильник.

Андрей придержал дверь, дожидаясь лифта, затем закрыл и повернул ключ. На связке был короткий хвостик выцветшей синей изоленты. Я помнила, как обмотала им ключ от нижнего замка, потому что мы вечно путали похожие. Неужели за столько лет он не нашёл лучшего способа их различать?

— Запасной у тебя? — спросил он.

— Да. Мой комплект. Нине передадим отдельный?

— Пока она показывает при нас. Если понадобится — сделаю.

— Давай сразу, чтобы потом не искать время.

— Марин, у нас до показа четыре дня. Успею.

Я уже собиралась объяснить, почему «успею» не являлось датой, но он достал телефон и что-то вписал в календарь.

— Завтра после работы занесу в мастерскую. Послезавтра будет третий комплект. Так нормально?

— Да.

Он не произнёс это сердито. И мне стало не с чем спорить.

Мы вернулись в гостиную. Я разложила бумаги на складном столе, Андрей проверил, до конца ли разогнута ножка, и подвинул стул. Второго стула в комнате не было. Он принёс кухонный, сел боком, чтобы колени не упирались в стол.

Теперь требовалось решить, кто что делает. До этой минуты я думала, что у меня уже есть удобный порядок. На телефоне лежал список, составленный ещё дома: купить материалы третьего, вынести ненужное, освободить выходные под покраску. Я перенесла его на бумагу, сокращая строки. Получалось аккуратно.

— Завтра вещи, послезавтра мастер и материалы, — сказала я. — Вечером можно начать стены. На выходных докрасим.

— На выходных я не могу.

Карандаш остановился.

— Совсем?

— В один день записать, в другой сдача. Могу по вечерам в будни. И четвёртого освободил первую половину дня.

— Я четвёртого работаю.

— Ты сказала: «На выходных докрасим». Я тебе ничего такого не обещал.

Он говорил ровно. Мне от этого стало ещё досаднее: я не могла обвинить его в резкости, а расписание уже переставало быть удобным.

— Хорошо. Значит, не на выходных.

— Могу завтра после шести. Третьего встречу мастера. Четвёртого до двух и после семи. Я вычеркнула две строки и поняла, что снова делаю это без него.

— Подожди. Давай каждый сначала выпишет своё время.

Он оторвал от моего листа свободную полоску. Получилось криво, но разборчиво. Я вернула календарь, перенесла два рабочих созвона, которые действительно могла перенести, и оставила остальные на месте. Никто не получил целиком чужую неделю. Зато появились четыре совместных промежутка и несколько одиночных.

— Стены я могу готовить сам, — сказал Андрей. — Ты же не обязана сидеть тут и смотреть.

— Я не собиралась сидеть и смотреть.

— Это я неловко выразился.

— Я поняла.

Я не сразу поняла, но решила пока поверить формулировке.

— Ещё про время, — сказала я. — Вдруг кому-то понадобится прийти одному.

— Написать в чат?

— Да. Хотя бы накануне. Или позвонить, если срочно.

— Ты боишься застать здесь компанию?

Я посмотрела на него. Он уже понял, как прозвучал вопрос, и качнул головой.

— Неудачно спросил. Я хотел сказать: что считать срочным? Если мастер освободился раньше?

— Тогда позвонить. Я могу здесь оказаться с ноутбуком, например. Не хочу объяснять автору на созвоне, почему рядом снимают плинтус.

— Договорились. И мне нужно знать, если будет шумно. Иногда после записи приезжаю с головой, полной чужих голосов.

— Но это ремонт, Андрей.

— Поэтому просто знать заранее. Я не предлагаю красить шёпотом.

Теперь улыбнулась я. В нашей прошлой жизни он мог полвечера молчать после работы, а я принимала это за ответ на всё, что ещё не успела спросить. Сейчас объяснение занимало две фразы. Оно ничего не исправляло задним числом, но позволяло не совершить одну маленькую ошибку завтра.

Я внесла в чат расписание и правило предупреждать друг друга. Не прикрепила к нему ни одного восклицательного знака.

— Если не успеваем, тоже пишем, — добавила я. — Мне проще передвинуть дела, когда я знаю.

— Мне тоже, — ответил он.

Мне захотелось возразить, что я всегда предупреждала. Потом вспомнилось, как я однажды перенесла доставку шкафа на субботу, потому что так было удобно доставщикам, а Андрею сообщила вечером в пятницу. Воспоминание не требовало подробного разбора. Я только кивнула и оставила правило без имени виноватого.

Мы распределили доступные работы: Андрей снимал ненужные крепления, занимался плинтусом и связывался с мастерами; я разбирала оставленные вещи, отмывала кухню и вела расходы. Стены готовили и красили оба, в согласованное время. Электрику отдельно проверял специалист. Если оказывалось, что работы больше, чем видно, мы сначала обсуждали цену помощи, а потом заказывали её.

— Половина расходов каждому? — спросила я.

— Да. Как договорились.

— Чеки в общий чат. Крупные покупки сначала согласуем.

— Что такое крупные?

Я уже открыла рот, чтобы назвать сумму, но он подвинул мне бумагу.

— Давай запишем. А то для тебя банка краски — расход, для меня две банки — уже спасение от поездки за третьей.

Мы выбрали предел для покупки без дополнительного звонка. Расходники оставались внутри общего согласованного бюджета; новую мебель туда никто не вписывал. Я создала таблицу и отправила Андрею ссылку. Он открыл её, добавил строку «вода и стаканы» и нулевую сумму.

— Это от меня.

— Тогда зачем записал?

— Чтобы ты видела вклад в общее дело.

Я выдохнула через нос. Почти засмеялась, но пока ещё не настолько, чтобы он мог быть уверен.

Самым трудным оказался цвет.

Я выбрала его накануне по фотографиям: светлый серый, почти белый. Послала Андрею картинку, пока он разглядывал таблицу.

— Такой подойдёт. Нейтральный, на фото будет светло.

Он увеличил образец, посмотрел на окно.

— Может быть.

— Может быть подойдёт или может быть не подойдёт?

— Я по экрану не понимаю.

— Но ты какой-то хочешь?

— Надо в квартире посмотреть.

— Мы сейчас в квартире.

Андрей молча повернул экран ко мне. Серая картинка светилась голубым, отражая окно. Я знала, что он прав, и всё равно сердилась. Мне хотелось закончить хотя бы один пункт без нового обсуждения. Подготовленная картинка была маленьким решением, которым я собиралась облегчить нам жизнь. Он снова оставлял его висеть в воздухе.

— Можно сегодня определиться с тем, как мы будем выбирать? — спросила я. — Не с самым цветом. Чтобы не возвращаться к этому неделю.

Он положил телефон на стол.

— Возьмём два маленьких образца. Твой и потеплее. Покрасим участок, посмотрим утром и вечером. Потом купим нужный. Я не хочу спорить о сером, которого ещё никто не видел.

Это было разумно. И немного смешно: столько усилий ради незнакомого серого.

— Два, — сказала я. — Не двенадцать.

— Мне хватит двух.

Я обвела пункт кружком. Впервые за всё утро на листе появилось решение, которого у меня не было до прихода.

Под ножкой стола хрустнуло. Андрей отодвинул стул и поднял с пола маленький шуруп.

— Вот он где.

— Ты его искал?

— Нет. Но лучше найти сейчас, чем коленом, когда будем красить.

Я принесла с кухни пустую баночку из-под кофе, оставленную жильцами. В неё легли шуруп, два пластиковых крючка и отломанный наконечник швабры. Часть можно было выбросить, часть ещё пригодилась бы для сравнения в магазине. Я подписала баночку «Крепления» и поставила у стены.

Андрей прочитал надпись.

— Даже мусор у тебя получил должность.

— Он теперь отвечает за то, чтобы мы ничего не потеряли.

— Серьёзная ответственность для шурупа.

Мы ненадолго замолчали. Я ожидала, что после ухода Нины возникнет неловкость, которую придётся заполнять непрерывным перечислением дел. Но несколько минут мы просто собирали мелочь с пола. Я подвигала коробку ногой, Андрей складывал в неё ненужное, и никто не пытался произнести что-нибудь значительное.

До часа мы вынесли на лестничную площадку мешок с обычным мусором и сложили отдельно чужие забытые предметы. Андрей написал бывшим жильцам о ящике. Пока ждал ответа, я фотографировала повреждения: полку, полосы на стенах, отставший плинтус. На одном снимке в угол попала его рука, придерживавшая дверцу. Я не стала обрезать фотографию. Отправила в общий чат вместе с остальными.

Потом напомнил о себе мой рабочий календарь. В четыре надо было обсудить урок, где всё якобы очевидно. Я собрала сумку.

— Завтра в шесть, — сказала я.

— В половине седьмого. В шесть у меня заканчивается запись, я ещё доехать должен.

— Точно. В половине седьмого.

Я исправила время, прежде чем мы вышли. Андрей выключил свет, подёргал входную дверь. Мы одновременно потянулись к кнопке лифта, я уступила и сделала вид, что искала телефон.

В лифте висело новое зеркало, слишком яркое для его тесной кабины. Я смотрела на наши отражения и замечала, что у меня выбилась прядь возле уха. Андрей смотрел на номер этажа. Между нами помещалась ещё одна сумка, если бы кто-нибудь захотел её поставить.

— Ты на машине? — спросил он внизу.

— Нет. Пройдусь до остановки.

— Я в другую сторону.

— Хорошо.

Ничего хорошего или плохого в этом не было. Просто два адреса, два маршрута. Я уже давно снимала квартиру недалеко от работы. Он жил ближе к студии. Мы могли уйти каждый к себе и завтра вернуться по делу.

Возле подъезда Андрей остановился, проверил что-то в телефоне.

— Жильцам ящик не нужен. Написали, можно убрать. И насадку от швабры нашли у себя.

— Пусть оставят. Воссоединять её с ручкой не будем.

Теперь он засмеялся. Коротко, без осторожности. Мне стало странно оттого, что я вызвала этот звук намеренно и не могла сделать вид, будто он не доставил мне удовольствия.

Я попрощалась и пошла к остановке. По дороге пришёл снимок нашего листа, который Андрей прикрепил в чате, и сообщение: «Завтра 18:30. Коробки. Я принесу пакеты».

Я ответила словами: «Хорошо. Я возьму маркер».

Глава 3. По одной коробке

На следующий день автор прислал доработанный после нашего разговора пример про перепутанные столбцы. Я убрала из него две фамилии, четыре оправдания и фразу «такого больше никогда не повторится». Последняя была лишней: упражнение как раз предназначалось людям, у которых такое повторялось.

К обеду урок удалось закончить. Я просмотрела его целиком, ответила на три сообщения, а затем открыла письмо, которое уже полчаса ждало в отдельной вкладке. Московская команда подтверждала, что получила мои материалы на руководящую позицию. Пока — ни предложения, ни отказа. Только следующий этап отбора, время которого обещали сообщить позже.

Заявку я отправила в августе, до того, как квартира освободилась. Несколько дней заполняла её вечерами, правила сопроводительный текст и выбрасывала из него слова, которыми обычно прячут отсутствие конкретики. У меня была конкретика: запущенные курсы, собранные команды, несколько проектов, которые я довела до выхода после чужих громких уходов. Я хотела отвечать за направление целиком и уже не могла притворяться, будто мне достаточно исправлять то, что успели решить без меня.

В Москве предстояло работать на месте. Это стояло в описании с самого начала. Я не отправила бы заявку, если бы не допускала переезда.

Я ответила на письмо, внесла пометку в календарь и вернулась к правкам. Вечером нужно было разбирать коробки с бывшим мужем. На первый взгляд два дела не имели между собой ничего общего. Я с некоторым усилием позволила себе оставить их именно такими.

В квартиру я пришла без десяти семь — задержалась на переходе через перекопанную улицу. Увидев, какой обход предстоял, я сразу позвонила Андрею. Он сказал, что подождёт и пока привезёт из машины стремянку. Когда я поднялась, дверь была открыта, а мусорные мешки уже лежали на столе.

Стремянка была новая, складная, с широкой верхней площадкой. Андрей купил её для студии и привёз в багажнике. Я положила маркер на стол и полезла в сумку за маленьким ключом от шкафа.

— Давай я сниму, — сказал он, когда я поставила ногу на первую ступеньку.

— Я достану.

— Хорошо. Я приму.

Это избавило нас от спора о том, кто выше. Я открыла верхний отсек и провела ладонью по первой коробке. На пальцах осталась пыль. Наши фамилии, написанные толстым маркером пять лет назад, выглядели одинаково убедительно, хотя скотч потемнел и местами отклеился.

Всего коробок оказалось пять. Я почему-то помнила больше. Две мои, одна Андрея и две, на которых было написано «Разное». Удивительное слово: помещало в себе всё, чему мы когда-то не нашли другого места.

Мы сняли три коробки, оставив наверху мою вторую и одну общую. Всё разобрать за вечер всё равно не успели бы, а превращать гостиную в склад перед показом было бессмысленно. Закрытый отсек ещё мог послужить нам несколько недель.

— По одной? — спросил Андрей.

Я кивнула.

Он открыл свою. Сверху лежали старые конспекты, наушники с потрескавшимся оголовьем и выцветший шарф. Я мгновенно узнала шарф, но не стала говорить, что подарила его на нашу вторую совместную зиму. Андрей поднял ткань, проверил, нет ли моли, и положил в свой пакет.

Моя коробка началась с папки методических материалов. Первые задания, которые я когда-то составляла сама, были распечатаны с двух сторон и прошиты цветными нитками,

потому что в тот вечер закончились скобы. Я пролистала первые страницы. В одном абзаце слово «важно» встречалось четыре раза.

— Что там? — спросил Андрей.

— Очень уверенный в себе начинающий редактор.

— Покажи.

Я придержала листы. Он не потянул их к себе и вернулся к своей коробке. Я успела почувствовать облегчение, затем неловкость.

— Тут задания к курсу. Старые. Я везде объясняю человеку, что ему должно быть понятно.

— Понятно было?

— Не всегда. Но я старалась ещё громче.

Он улыбнулся. Я отложила папку в пакет «Забрать», хотя профессиональной пользы от неё уже не было.

Под папкой обнаружилась жестяная коробка от печенья. На крышке был нарисован рыжий кот с бантом; вмятина на боку делала кота слегка оскорблённым. Я потрясла коробку. Звякнули пуговицы.

Внутри действительно лежали пуговицы, катушка тёмно-синей нити, запасные кнопки от пододеяльника и несколько театральных билетов. Один билет прилип к другому от старого пятна. Я осторожно разделила их ногтем.

— Нашёлся кот, — сказал Андрей.

— Ты помнишь?

— Из-за него я однажды вышел на сцену с чужой пуговицей.

Это было в самом начале брака. Андрей помогал со звуком на небольшом спектакле, а после поклона его неожиданно собрались представить зрителям. За десять минут до начала он оторвал верхнюю пуговицу рубашки. Я нашла в этой коробке почти подходящую, пришила слишком крепко и всё время сердито шептала, чтобы он не двигался. Он, конечно, двигался: пытался заглянуть в вырез, проверить, не пришиваю ли я его самого.

После спектакля мы ели горячие пирожки на набережной. На белой рубашке у него поблёскивала крошечная перламутровая пуговица с цветком, и я не могла перестать смеяться. Ему нравилось, что я смеюсь. Он нарочно застёгивал рубашку до горла и спрашивал, достаточно ли торжественно выглядит человек искусства.

Теперь Андрей сидел на корточках у своей коробки и держал в руках связку старых кабелей. Хорошее воспоминание не спросило разрешения и ничего не потребовало взамен.

— Она была не чужая, — сказала я. — От моей блузки.

— Это многое объясняет.

Я закрыла кота и положила в пакет вместе с папкой. Пуговицы пригодятся. Билеты тоже могли остаться, не становясь аргументом ни в одном разговоре.

Из общей коробки показалась керамическая форма для запекания, завёрнутая в кухонное полотенце. По краю шли маленькие синие цветы.

— Лидиина, — сказала я.

— Да. Она думала, мы потеряли.

— Мы и потеряли. Только внутри собственной коробки.

Я поставила форму на подоконник. В прошлой жизни Лидия дала её нам для пирога на чей-то день рождения. Кому именно принадлежал день рождения, я уже не помнила. Форма пережила праздник, переезды и развод, ни разу не предупредив владельцев о своём местонахождении.

— Ей нужна?

— Спрошу, — ответил Андрей. — Она теперь печёт в другой. Но лучше вернуть.

— Я пока оставляю здесь, чтобы не затерялась опять.

Мы завернули форму в полотенце и поставили в отдельный пакет. На нём я написала имя Лидии. Никакого срочного поручения не возникло; просто одна вещь наконец перестала считаться ничьей.

Следующим извлекли тяжёлое основание настольной лампы. Сама лампа, без абажура и с погнутым стержнем, занимала половину коробки. Я посмотрела на неё с сомнением.

— Это ты хотел переделать.

— Хотел.

— Забираешь?

Он повернул основание в руках, заглянул внутрь.

— У меня уже стоит лампа.

— У меня тоже.

Мы помолчали над предметом, которому прежде обещали большое будущее.

— Можно отдать тому, кто занимается такими вещами, — сказала я. — Сразу с фотографией всех недостатков.

— Тогда я сфотографирую и размещу. Если до конца месяца не заберут, сдадим куда положено.

— Только не переносим её в твою новую квартиру под словом «временно».

Андрей поднял взгляд. Я поняла, что сказала это тоном жены, которой предстоит обходить чужой незавершённый проект ещё семь лет.

— Извини. Это не моё дело, куда ты её поставишь.

— Я не собирался. Но да, не твоё.

Он не добавил ничего. Мы положили лампу у стены, и остаток общей коробки я разбирала особенно сосредоточенно. Там были ёлочные украшения, две кружки со стёртыми надписями и механический кухонный таймер. Таймер звонил, даже когда его не заводили, — стоило только резко повернуть. Я попробовала, он испуганно дребезгнул.

— Живой, — сказал Андрей.

— Полностью соответствует поставленной задаче. Пугает.

Одна кружка досталась ему, другая мне. Украшения пока оставили вместе. К концу сентября требовалось решить, кто заберёт остаток, и я написала дату на коробке. Андрей посмотрел, но не возразил.

Его телефон зазвонил, когда мы складывали пустой картон. Он ответил Олегу, отошёл к окну, но говорил обычным голосом.

— Да, получил. Завтра после сессии гляну... Нет, без тебя ничего не подтверждал. Там сначала с вентиляцией надо понять... Давай пятого обсудим.

Я собирала обрывки скотча. Услышанного было достаточно, чтобы придумать несколько версий, и недостаточно, чтобы ни одной не выдумывать.

Андрей закончил разговор и сам сказал:

— Помещение для студии смотрим. Олег прислал ещё один вариант.

— Вы переезжаете?

— Если получится купить. Аренда надоела. То сосед появляется, которому мешают клиенты, то владелец вспоминает, что у него другие планы. Хотим своё.

Он рассказал о двух помещениях, которые уже видел. Одно требовало слишком много переделок, другое было удобнее по расположению, но у него не хватало места для всей работы. Андрей не говорил, будто осталось только подписать бумагу. Вынул телефон, показал фотографию пустой комнаты с высоким окном.

— Здесь можно сделать отдельное место для монтажа. Чтобы не сидеть друг у друга за плечом. А живую запись оставить в соседней комнате, если нормально решим изоляцию.

Он увеличил фотографию. Я видела неудачный потолочный свет, голые стены, несколько проводов. Он видел помещение, в котором можно было работать годами.

— А нынешнее совсем плохо? — спросила я.

— Нет. Оно нам много дало. Просто мы в нём выросли.

Он пролистал фотографии и показал стол, заставленный техникой. На одном краю едва помещалась кружка. Под столом стояла коробка, на стене висело расписание с разноцветными полосами.

— Это сейчас?

— Вчера. Мы освобождаем комнату под актёров, потом собираем всё обратно для обработки. Можно жить. Но время уходит на переноску.

Я увеличила расписание. Имена, часы, стрелки. В нескольких местах чужой почерк исправлял Андреев. Прежде я думала о его работе как о непрерывном потоке: позвонили, позвали, он уехал. На фотографии были планы, сроки, чужие люди, рассчитывающие получить результат.

— Здесь даже очередь к стулу, — сказала я.

— К хорошему стулу. Второй Олег не признаёт. Говорит, у него на нём любая запись звучит обречённо.

— Что с ним?

— Скрипит при вдохе. Мы уже всё перепробовали.

— Значит, помещение нужно ради стула.

— Главную причину ты разгадала.

Он убрал фотографию, но улыбка ещё оставалась. Я заметила, что он любит рассказывать об этом. Когда-то я умела спрашивать так, чтобы он продолжал. Потом вопросы почти всегда начинались со слов «во сколько».

— Ты свою долю от квартиры туда планируешь?

— Да. Часть уже есть, но без этих денег не получится. Ещё расходы на обустройство. Потому мне тоже важно не растягивать продажу.

— Понятно.

Слово оказалось правильным. Мне действительно стало понятнее, зачем он сидел здесь после рабочего дня и аккуратно вынимал крепления из старой лампы. Он не просто закрывал прошлое. У его денег было будущее, и оно находилось в нашем городе.

Я сложила последний кусок картона.

— Я тоже хочу поменять работу.

Андрей погасил экран.

— Здесь?

— В Москве. Подала заявку в августе. Руководить редакционным направлением в образовательной команде.

Он положил телефон на подоконник. Несколько секунд молчал. Я могла назвать паузу чем угодно, но не знала, что он думал, и впервые за вечер не захотела проверять догадку колкостью.

— Предложение уже есть?

— Нет. Отбор. Сегодня подтвердили следующий этап. Может получиться, может нет.

— Работать оттуда обязательно?

— Да. Часть задач можно делать дома, но это московская должность. Если соглашусь, перееду.

Он кивнул. Я ждала ещё вопроса, но он смотрел на упакованную форму Лидии.

— Мне хочется попробовать, — добавила я. — Я давно делаю больше, чем предусмотрено моей должностью. И хочу наконец отвечать за решения, которые принимаю, с самого начала.

— Что за направление?

Я рассказала о курсах для взрослых, которые меняют профессию. Не о громкой миссии и не о возможности повлиять на образование вообще, а о работе: выбрать авторов, разобраться, чему они умеют учить, собрать редакторов, не потерять ученика после первого сложного урока. Андрей слушал, иногда задавая простой вопрос. Я дважды начала отвечать слишком подробно, потом остановилась.

— Я сейчас тебе весь отбор перескажу.

— Мне интересно. Но я действительно не всё понимаю.

— Это полезная позиция. С неё обычно начинается хороший курс.

Он взял со стола механический таймер и поставил рядом со мной.

— На случай, если увлечёшься.

— В рабочую команду я тебя пока не беру.

— Жаль. У меня есть прибор.

Я засмеялась и отодвинула таймер. Рассказывать о работе оказалось легче, чем сообщить название города. Работа была новой; город мы оба помнили.

— Это хорошая причина.

— Спасибо.

Мне не требовалось его одобрение. Но когда оно прозвучало без снисходительности, я почувствовала, как отпускает напряжение под рёбрами.

— Ты вернулась сюда после того проекта, — сказал Андрей. — Я думал, больше не захочешь.

— Тогда закончился проект. Я вернулась работать, а не потому, что Москва мне не подошла.

Он посмотрел на меня.

— Я понял.

Мы не продолжили. Для разговора о том лете между нами стояло слишком много коробок — и настоящих, и таких, которые нельзя было снять со шкафа за вечер. Сегодня достаточно было не спрятать новую возможность под удобным «ничего особенного».

К девяти у каждого набралось по большому пакету. В шкаф вернулись ёлочные украшения и ещё не разобранные вещи. Лампу Андрей сфотографировал со всех сторон. Керамическую форму оставили отдельно, у внутренней стенки шкафа. Я забрала жестяного кота.

На лестнице пакет чуть не выскользнул из моей руки. Андрей придержал дно, пока я перехватывала ручки, и сразу отпустил.

— Донесёшь?

— Да. Тут в основном бумага.

— Она бывает тяжёлая.

Мы спустились вместе. У подъезда я вызвала такси, чтобы не тащить пакет через остановки. Андрей дожидаться не стал: машина уже поворачивала во двор. Он поднял руку на прощание и пошёл к своей.

В такси жестяная коробка упиралась мне в бок через тонкий пакет. Дома я поставила её в ящик стола, рядом с нынешними тетрадами. Для неё нашлось место без перестановки мебели.

Глава 4. Ничего личного

Третьего сентября я получила фотографию кухонного шкафа прямо во время совещания. Андрей снял дверцу и подписал: «Павел посмотрел. Соединения сухие. Полку заменит, петлиотрегулирует. Цена в следующем сообщении».

Потом пришла цена, и только после неё — вопрос, согласна ли я. Я надиктовала короткое «да», забыв выключить микрофон совещания, и руководитель проекта немедленно обрадовался.

— Тогда снимаем блок с практикой?

— Нет, простите. Это было не вам. Блок оставляем, иначе непонятно, чему человек научился.

Сотрудники засмеялись. Я объяснила, что одновременно занимаюсь продажей квартиры, и до конца разговора все решения условно делились на редакционные и квартирные. Одно особенно спорное предложили отдать Павлу. Я пообещала уточнить его занятость.

После совещания Андрей написал, что электрик сможет прийти пятого утром; он его встретит. Кухонную полку Павел привезёт в тот же день. Я сверила расходы и перенесла согласованные суммы в таблицу. Несколько галочек появились без моего присутствия, и мир не рассыпался.

В магазине стройматериалов мы встретились около семи. Я добралась первой и успела выбрать тележку с неисправным колесом. Она уверенно стремилась влево, словно ремонт у нас был намечен в соседнем отделе. Андрей подошёл, поставил внутрь свою куртку и попробовал прокатить тележку.

— С характером.

— Я уже привыкла.

— Может, не стоит?

Он отвёз её обратно и взял другую. Я ждала рядом с горкой рулонов, немного раздражённая собственной способностью привыкнуть к неудобству за три минуты.

За краской нас отправили к стойке, где молодой сотрудник разворачивал перед покупательницей веер оттенков. Мы отошли к стенду с инструментами. Здесь даже у валиков оказалась сложная личная жизнь: один подходил к одним поверхностям, второй к другим, третий обещал превосходный результат, но стоил так, будто должен был красить самостоятельно.

Я потянулась к набору, на котором было написано «Всё необходимое».

— Давай спросим, — сказал Андрей.

— Там три валика и лоток. Что может быть не так?

— Мы пока не знаем, какие нам нужны.

Раньше фраза «давай спросим» означала, что спрашивать буду я. Андрей терпеливо стоял рядом, я объясняла, консультант предлагал, Андрей после ухода консультанта находил причину усомниться. Я уже приготовилась к знакомому порядку и даже открыла в телефоне фотографии стен.

Но он сам подошёл к освободившемуся сотруднику, поздоровался и начал объяснять задачу. Без виноватой улыбки и без привычного «там жена лучше знает». Назвал состояние покрытия, показал снимок, уточнил, чем его подготовить. Когда сотрудник предложил самый большой набор расходников, Андрей спокойно спросил, что из него действительно потребуется для двух комнат и части кухни.

— По цене выгоднее весь набор, — сказал тот.

— Если пользоваться всем. Нам вот эта вещь зачем?

Сотрудник посмотрел и признал, что она нам, вероятно, не нужна. Они выбрали инструменты по отдельности. Я стояла рядом с тележкой, впервые не чувствуя себя переводчиком между мужчиной и магазином.

Потом дошло до краски. Мы показали фотографии, рассказали, что хотим сначала сравнить небольшие пробы в квартире. Сотрудник предложил несколько близких цветов. Андрей поднёс один образец к белой полке.

— Этот потеплее. Похож на прежний в гостиной.

— Я не хочу прежний, — сказала я.

Слова вышли резкими, и я пояснила:

— Он был слишком жёлтый вечером. Я тогда согласилась, потому что мы уже третий раз приезжали выбирать. Потом всё время хотелось его сменить.

Андрей обернулся.

— Ты не говорила.

— Нет. Я решила, что легче не говорить.

Сотрудник с веером явно предпочёл бы вернуться к техническим свойствам покрытия. Я взяла следующий образец, более спокойный.

— Вот этот мне нравится. Давай сравним с моим серым.

Андрей посмотрел на оба.

— Давай.

Никакого спора не случилось. Мне даже стало немного обидно за прежнюю себя, которая столько лет приписывала одной покраске значение домашнего мира.

Пока готовили маленькие банки с образцами, мы прошли по оставшимся пунктам списка. Андрей выбирал малярную ленту, я сверяла ширину защитной плёнки. В отделе бытовых мелочей я увидела яркий кухонный половик и остановилась на секунду.

— Не покупаем новую квартиру по частям, — напомнил Андрей.

— Я смотрю.

— Это я себе.

Он держал в руке необычайно красивую коробку для крепежа с прозрачными перегородками. Мы молча посмотрели на трофеи друг друга. Я вернула половик, он — коробку. Взамен купили обычные перчатки.

У кассы пришлось проверить чек: в нём оказалось две упаковки плёнки, хотя мы взяли одну. Я заметила, а Андрей позвал сотрудника. Ни я не взяла разговор на себя, ни он не отступил после первого «в системе так». Ошибку исправили за минуту. Я почему-то ожидала, что он обрадуется моей похвале, но вовремя поняла, насколько нелепо хвалить сорокалетнего человека за собственную покупку.

— С тобой теперь удобно ездить в такие магазины, — сказала я вместо этого.

Он поднял пакет.

— Я за пять лет не только седел.

— Вижу.

Мне показалось, что он хотел добавить что-то ещё, но у нас за спиной уже нетерпеливо звякнула тележка следующего покупателя.

В машине пакеты заняли заднее сиденье. Я собиралась ехать в квартиру на автобусе, но везти покупки порознь смысла не было. Андрей открыл пассажирскую дверь изнутри; я села и отодвинула кресло, чтобы колени не упирались в панель.

Машина была другая. В боковом кармане лежала салфетка для очков, в подстаканнике — мелочь. На приборной панели ничего не болталось. Я не стала искать доказательства чьего-то ещё присутствия. Пять лет он имел право возить кого угодно, и я не получала права на отчёт вместе с местом у окна.

— Тебе не холодно? — спросил он.

— Нормально.

На первом перекрёстке я всё-таки повернула дефлектор от лица.

— Можно чуть меньше?

Он убавил поток воздуха.

— Можно сразу говорить.

— Я сначала думала, что нормально.

— Я без претензии.

Мы помолчали. За окном промелькнула остановка, на которой я прежде встречала его после поздних спектаклей. Останавливать машину или обсуждать это никому не пришло в голову. Мы ехали дальше, слушая тихую инструментальную музыку, которую я не знала.

В квартире оказалось душно. Андрей открыл окно и перенёс стол ближе к середине комнаты. Я застелила пол у стены. Подготовка заняла гораздо больше времени, чем я себе представляла. Нужно было убрать пыль, проверить поверхность, заделать то, что требовало заделки, и не пытаться красить раньше, чем высохнет. Андрей читал рекомендации на упаковках, я следила за временем и всё чаще смотрела на часы.

— Мы ещё даже не начали, — сказала я.

— Начали. Просто эта часть выглядит неинтересно.

Он показал на выровненное место, где раньше торчало крепление.

— Если сейчас закрасить, потом придётся переделывать. Здесь подождём. Для пробы есть готовый участок у окна.

Я хотела возразить, что два образца можно нанести за минуту. Потом увидела, как неровность у соседнего отверстия выступает в боковом свете, и сдержалась. Он не замедлял работу ради удовольствия медлить. По крайней мере эту работу.

Мы налили немного краски в маленький лоток. Я взяла кисть, Андрей — небольшой валик. На стене появились два квадрата. Между ними он оставил узкую полосу, чтобы проще было сравнивать, я подписала кусочки ленты буквами «А» и «Б».

При свете лампы оба оттенка выглядели одинаково. Я отошла к двери, прищурилась.

— Слева всё-таки холоднее.

— Мне кажется, справа, — сказал Андрей.

— Ты смотришь под углом.

Он встал рядом. Мы добросовестно помолчали перед стеной. Мне казалось важным не уступить только потому, что я устала. Андрей потянулся за банкой, чтобы прочитать название, и остановился.

Вторая банка стояла на подоконнике. Закрытая. На крышке нетронута блестящая заводская полоска.

Я посмотрела на неё, потом на стену.

— Мы оба взяли из первой?

— Похоже.

— Но слева холоднее.

Он медленно повернулся ко мне. Первой засмеялась я — от нелепости двух взрослых людей, обстоятельно защищавших различия между одной и той же краской. Андрей поставил банку на пол, потому что начал смеяться тоже.

— Под углом, — повторил он.

— Не надо.

— А если закрыть один глаз?

— Тогда можно выбрать третью.

Я присела на край стула и смеялась так, что пришлось снять перчатку и вытереть глаза. Андрей держался за подоконник. В квартире, которая до сих пор требовала от нас аккуратного тона, этот смех звучал неприлично громко. Нам обоим стало ещё смешнее.

Потом он открыл вторую банку. Мы нанесли настоящий второй образец на отдельное подготовленное место, а одинаковую пару обвели в записи одной буквой. На всякий случай я перепроверила наклейки на крышках.

— Только Нине не рассказывай, — сказала я.

— У неё, наверное, случаи и похуже.

— Это не причина уменьшать нашу репутацию.

Мы собрали инструменты. До покупок мне казалось, что после работы нужно как можно быстрее разойтись; теперь я медлила, отмывая кисть тщательнее, чем требовалось. Андрей складывал плёнку у сухого края. Дел становилось меньше, а повода немедленно уйти почему-то не прибавлялось.

— Я утром загляну посмотреть цвет, — сказала я. — До работы. Тебе пришлю. Ты к десяти, да?

— Да. Днём сравню сам. Если сойдёмся, возьму краску по списку.

— Хорошо.

Мы всё-таки ушли. На улице было прохладно; после тёплой квартиры я поёжилась. Андрей предложил подвезти до моего района. Я отказалась: у подъезда уже ждало вызванное такси. Он не стал убеждать.

Утром четвёртого образцы наконец различались без помощи воображения. Серый при дневном свете был холоднее, чем мне хотелось, второй давал ровный светлый фон. Я сфотографировала их, но не стала снова решать по экрану. Написала: «Мне нравится второй. Посмотри сам на месте».

Ответ пришёл ближе к одиннадцати: «Мне тоже. Беру согласованный объём. Плинтус закрепил, лишние отверстия подготовил».

Я сидела в офисе и невольно улыбнулась слову «второй». Коллега спросила, что хорошего случилось. Я ответила, что мы выбрали краску. Она сочла это вполне достаточным основанием.

Потом мы с ней разбирали план нового курса. На экране было двенадцать тем, каждая важнее предыдущей, и ни одного задания, которое можно было бы выполнить до конца первой недели. Коллега листала документ и вздыхала.

— Он хочет сначала всё объяснить.

— Я тоже иногда хочу. Но человек успеет разочароваться раньше, чем дойдёт до применения.

— Предлагаешь поменять местами?

— Предлагаю начать с небольшой задачи. Он покажет, что делает сам, потом разберём, почему это работает.

Мы позвонили автору втроём. Он сначала возмутился, потом попросил дать ему пять минут и нарисовал от руки схему. На схеме стало ясно то, на что прежде уходило восемь страниц. Я помогла выбрать пример, коллега перенесла его в сценарий. Увидев результат, автор сам вычеркнул два вступления.

Когда звонок закончился, коллега откинулась на спинку стула.

— Ты могла бы сразу так и написать.

— Могла. Только он тогда защищал бы свой текст, а не собирал с нами новый.

Я услышала собственные слова и несколько секунд смотрела на документ. На работе я знала, зачем людям нужно участвовать в решении. Дома это знание почему-то регулярно уступало желанию поскорее закончить неприятный разговор.

Никакого полезного вывода для всей жизни я себе не назначила. Отправила коллегам согласованный вариант, закрыла ноутбук в обещанное время и поехала красить стену, цвет которой мы наконец выбрали вдвоём.

Вечером Андрей уже раскладывал инструменты, когда я приехала. Он показал купленные банки и чеки, я переоделась в старую футболку в пустой спальне. Мы оставили закрытые

коробки в шкафу, отодвинули стол и начали с готовой части гостиной. Я работала у краёв, он проходил валиком большие участки. В комнате пахло краской и открытым сентябрьским окном.

Через полчаса я потянулась к верхнему углу, решила, что дотянусь со ступеньки, и неудобно замерла с поднятой рукой. Андрей стоял внизу, удерживая лоток.

— Давай переставим стремянку. Две минуты.

Я уже набрала воздух для «сейчас закончу», но опустила кисть.

— Давай.

Он отставил лоток. Я спустилась, мы передвинули стремянку, и угол внезапно стал доступным без усилия. Мне было досадно не на Андрея, а на бессмысленную гордость, которой я успела наделить право стоять неудобно.

Позже он попросил меня посмотреть участок возле двери. Там полоса получилась слишком заметной.

— Вторым слоем выровняем? — спросила я.

— По высыхании будет понятнее. Сейчас лучше не трогать.

Я поставила кисть в лоток и размяла пальцы. Андрей спросил, не пора ли закончить. Хотелось ответить, что я ещё могу, будто мы участвовали в состязании по выносливости.

— Пять минут посидеть, — сказала я. — Потом уберём.

Он принёс стулья от стены. Мы сели напротив открытого окна, между банками и аккуратно завернутыми расходниками. Снизу доносился чей-то разговор, хлопнула дверца машины. У меня прилипла к запястью полоска ленты, и я снимала её, стараясь не задеть свежую краску на перчатке.

— У тебя нет ощущения, что нам завтра ставят оценку? — спросила я.

— За квартиру?

— За всё. Насколько хорошо мы её подготовили. Насколько убедительно отвечаем. Я давно не ходила на экзамены, организм пользуется любой возможностью.

— Они же не нас покупают.

— Хорошо бы это завтра помнить.

Андрей откинул голову к стене, но вовремя остановился и подвинул стул.

— Чуть не добавил авторскую подпись.

Я улыбнулась.

— Что будешь делать, если им не понравится?

— С Ниной обсудим следующий показ. Мне хочется продать, но понравиться всем мы вряд ли сможем.

Он говорил о квартире. Я специально не придавала ответу другого смысла. Допила воду, встала, и он поднялся следом. Пауза закончилась сама, без вопроса, чего мы ждём друг от друга.

Мы оставили стену высыхать, прибрали проход и проверили, что перед завтрашним показом ничего не загородит комнаты. Квартира не была готова, но работа стала видимой. Светлый участок уже не напоминал ни нашу прежнюю гостиную, ни комнату последних жильцов.

Андрей снял с рукава пятнышко краски ногтем. Я протянула ему влажную салфетку. Он взял её и поблагодарил; наши пальцы не соприкоснулись, хотя я успела заметить, как легко это могло произойти.

— Завтра к шести, — сказала я.

— Я раньше приеду, приму мастеров утром. Перед показом напишу, что осталось.

— Я к пяти подтянусь убрать.

Мы выключили свет и закрыли дверь. У меня устали плечи, на запястье засохла тонкая белая полоска. Уже в своей квартире я обнаружила, что напеваю мелодию из его машины. Слов у неё не было, и это пока очень подходило.

Глава 5. Показать квартиру

К пяти квартира пахла чистой водой и краской. Я пришла с тряпками, хотя тряпки уже были, и с пачкой печенья, которую купила по дороге, а теперь не знала куда пристроить. Угощать людей, собиравшихся купить жильё, казалось странным. Не угощать, если пакет уже увидят, — тоже. Я спрятала его в сумку и открыла окно на кухне.

Андрей был в спальне. Собирал удлинитель, стараясь не протащить шнур по свежewe-мытому полу.

— Всё сделали? — спросила я.

— Да. Полка новая, дверца закрывается. Электрик убрал старый вывод под светильник и проверил то, что просили. Записал замечания по одной рамке, я отправил тебе в чат. Её заменили.

— Видела. Спасибо.

— Дай только шнур сверну.

Я принесла ведро и протёрла следы у входа. Чужая работа была сделана аккуратно: возле розетки не осталось раскрошенной штукатурки, кухня наконец открывалась без перекоса. Андрей показал чек Павла и фотографию соединений под раковиной. Я сложила всё в нашу папку. Если покупатели спросят, не придётся отвечать на память.

Стена в гостиной всё ещё выглядела пятнистой: один участок высох, другой ждал второго слоя, внизу оставалась полоска старого покрытия. Я расстроилась сильнее, чем требовалось.

— Может, нужно было успеть всю стену.

— За час не успеем, — ответил Андрей. — Нина их предупредила.

— Я знаю.

— Покажем, что делаем. Вот список.

Он прикрепил лист к шкафу кусочком ленты. На нём были понятные пункты без обещания «евроремонта». Я исправила одно слово карандашом, потом заметила, что опять взялась за чужой текст.

— Можно я «освежить» заменю на «покрасить»? Чтобы не было двусмысленности.

— Конечно. Я не привязан к глаголу.

Мы отнесли инструменты в дальний угол спальни, оставив к нему свободный проход. Банки стояли закрытыми, стремянка сложенной. Личные коробки оставались наверху шкафа. Я проверила, что пакет с формой Лидии не выступает наружу. Мне хотелось, чтобы за час, пока здесь будут чужие люди, предметы не начинали рассказывать нашу историю без спроса.

В половине шестого пришла Нина. Положила папку на кухонный стол и сразу спросила:

— Показывать готовы?

— Насколько можно, — сказала я.

Она обошла комнаты, посмотрела на список, открыла новую кухонную дверцу.

— Достаточно. Они знают, что увидят работу в процессе. Не извиняйтесь за каждый угол.

— А если спросят, почему не закончили?

— Скажете, что начали четыре дня назад. Это и есть ответ.

Нина протёрла ладонью экран телефона, проверила сообщение и позвонила Рустаму: подсказала, с какой стороны удобнее зайти во двор. Потом обернулась к нам.

— Ещё раз: если вопрос касается будущего обязательства — сначала обсуждаем вместе. Фразу «да это мы вам запросто» сегодня никому не выдаём.

— Даже мне? — спросил Андрей.

— Особенно вам. Вы стоите ближе к инструментам.

Я улыбнулась и убрала карандаш в сумку.

Виктория и Рустам пришли ровно в шесть. Виктория держала тонкую папку, Рустам — рулетку. По этой рулетке я сразу поняла, что им не требуется экскурсия по нашей счастливой молодости. У них были свои вещи, которым нужно было поместиться в этих комнатах.

Виктория оказалась чуть ниже меня, в свободной синей рубашке и с собранными на затылке волосами. У Рустама из кармана торчал сложенный лист с размерами. Они поздоровались, надели предложенные Ниной бахилы и начали с прихожей.

— Шкаф остаётся? — спросила Виктория.

— Встроенный — да, — ответила я. — Личное из верхнего отсека заберём к передаче.

— Полки можно переставить?

Андрей открыл дверцу и показал крепления. Не стал утверждать, что можно вообще всё, сначала проверил одну полку.

— Часть да. Вот здесь фиксированная.

Рустам измерил глубину. Виктория заглянула в свою папку, вычеркнула что-то карандашом.

— Чемоданы встанут, — сказала она.

Меня неожиданно обрадовало, что шкаф оказался кому-то нужен именно таким. Потом я заметила, как Рустам взглядом оценивает старые ручки, и поспешила запретить себе обижаться за ручки. Они имели право не нравиться.

В гостиной покупателя остановились у окна. Виктория посмотрела на полосу реки и улыбнулась.

— На фотографиях не заметила.

— Отсюда немного видно, — сказала я. — С кухни тоже.

— Я утром работаю дома. Свет сюда когда приходит?

Я начала отвечать и поймала себя на том, что собираюсь назвать время из старой жизни.

Пять лет я не сидела за столом у этого окна целый день.

— Раньше после обеда здесь было довольно светло. Точное время лучше сейчас проверить. Деревья выросли.

— Можно будет зайти днём? — спросил Рустам.

— Согласуем с Ниной, — ответил Андрей.

Она записала просьбу. Виктория отошла к противоположной стене и вытянула перед собой руки, будто держала невидимый монитор.

— Здесь стол. Но тогда диван...

— Мы думали у окна, — сказал Рустам.

— Ты думал. Я там буду сидеть спиной к двери.

Он посмотрел на неё, потом на окно.

— Давай померим оба места.

Я отошла в сторону. Мы с Андреем стояли рядом и не предлагали им своего расположения мебели. Оно принадлежало другим людям.

Рустам зацепил рулетку за край подоконника. Лента соскользнула, Андрей придержал её, пока тот отходил к стене. Я прочитала значение с его стороны и назвала вслух. Виктория записала. Всё произошло быстро, без просьбы и распределения ролей. Я знала, где Андрею неудобно наклониться, он знал, что я разгляжу мелкие цифры.

— Спасибо, — сказала Виктория. — И сюда ещё можно?

Мы измерили второе место. Потом первое снова, потому что Рустам перепутал ширину столешницы с общей глубиной стола. Он рассердился на свой лист, Виктория протянула ему телефон с фотографией мебели, и вопрос решился.

В спальне они заметили инструменты и спросили, как долго будет пахнуть краской. Нина показала согласованный план подготовки и сказала, что передача предполагается после завер-

шения работ и уборки, а не в день последнего мазка. Андрей добавил, что проветривание уже учтено в расписании.

— Нам важно, чтобы кухня работала сразу, — сказал Рустам. — Не хотим ещё месяц жить среди коробок и искать, где поесть.

— Её можно посмотреть, — сказала я. — Сегодня как раз закончили мелкое.

На кухне Виктория открыла шкаф под раковиной. Новая полка выглядела почти вызывающе белой на фоне остального.

— Меняли?

— Да. Старую повредило, когда протекал шланг у жильцов. Шланг заменили раньше, сегодня мастер проверил соединения и поставил полку. Вот фотографии и чек, если хотите.

Нина посмотрела на меня с коротким одобрением. Я говорила правду без попытки украсить её подробностями, которых не знала.

Рустам включил воду, проверил напор, осторожно заглянул вниз. Андрей стоял рядом и отвечал, когда спрашивали. Мне хотелось сказать, что мы всегда следили за квартирой, но новая полка уже делала всё, что могло бы сделать это заявление.

— Верхние шкафы высоко, — заметила Виктория.

— Мы сами так заказывали, — сказала я.

— Чтобы снизу осталось больше места, — добавил Андрей. — На верхней полке держали то, что редко нужно.

— И каждый раз звали высокого человека, — сказала я.

— Я могу достать, — предложил Рустам.

— Пока нечего, — ответила Виктория, и мы засмеялись все четверо.

В этой короткой общей веселости было что-то слишком лёгкое. Я почти повернула голову к Андрею с привычным взглядом, которым раньше делила смешное поверх гостей. Он тоже посмотрел на меня. Мы успели встретиться глазами и отвернуться без неловкого движения, но у меня потеплели уши.

Потом Виктория спросила про шум. Здесь пришлось отвечать осторожнее. Когда жили мы, многое было иначе. Андрей рассказал, какие жалобы бывали от арендаторов, а каких не было. Я честно сказала, что сейчас не знаю всех соседей.

— Мы можем подняться в другое время, — предложила Нина. — И обсудить это после. Сегодня пока фиксируем вопросы.

— Вы сами сейчас здесь не живёте? — спросила Виктория.

— Нет, квартиру сдавали, — ответила я. — После развода. Сейчас решили продать.

Она кивнула и уточнила, когда съехали последние жильцы. Я назвала конец августа. Рустам спросил у Нины о документах, которые нужно будет проверить. Нина ответила и предложила обсудить это отдельно по подготовленному перечню.

Я заметила, что продолжаю сжимать пальцами край кухонного полотенца. Мне почудилось, будто после слова «развод» нас начнут разглядывать внимательнее, искать трещины не в штукатурке. Ничего подобного не случилось. Виктории требовалось понять состояние кухни, Рустаму — порядок дальнейших действий. Наша биография была для них одним из обстоятельств продажи.

Я расправила полотенце и повесила на ручку.

— А холодильник тоже остаётся? — спросила Виктория.

Мы с Андреем одновременно сказали «да».

— Это удобно. Наш почти не пережил прошлый переезд.

— Сначала посмотри внутри, — напомнил Рустам.

Она открыла дверцу, оценила полки. Я без всякой боли подумала, что скоро там будут их продукты, их забытые баночки и чужая привычка ставить молоко не на то место.

На балконе Рустам выяснял, куда поставить сушилку. В прихожей — поместятся ли два велосипеда так, чтобы не перекрывать проход. Хранение в общем коридоре я обещать не стала: не знала действующих договорённостей соседей. Велосипеды оставались их задачей, квартира не обязана была подстроиться под любой запрос.

Виктория ещё раз вернулась в гостиную, постояла молча и сфотографировала стену с окнами. Я ощутила знакомое ожидание: сейчас человек скажет, нравится ему результат или нет. Такое бывало после сдачи больших редакторских проектов, когда месяц работы помещался в одну паузу.

— Мы обсудим, — сказала она наконец.

— Конечно, — ответила Нина. — Я вам пришлю всё, о чём договорились, и уточнения по дневному осмотру.

Ни Андрей, ни я не стали спрашивать, что именно им не понравилось. Покупатели ещё раз напомнили про срок окончания аренды. Тридцатого им требовалось получить квартиру, без возможности бесконечно переночевать в прежней.

— Мы это учитываем, — сказала я.

Рустам посмотрел на Андрея. Тот подтвердил:

— Да. Срок общий.

Когда за ними закрылась дверь, я сперва услышала холодильник, а потом собственный выдох.

— Всё нормально, — сказала Нина. — Они задавали вопросы людей, которые примеряют квартиру к своей жизни. Это хороший признак, но пока не решение.

Я кивнула. Хотелось немедленно спросить, насколько хороший. Я удержалась.

— Про шкаф не зря говорили? — спросил Андрей. — Мы же не обязуемся переставлять полки под их чемоданы?

— Нет. Вы показали устройство, — ответила Нина. — Они сами разберутся со своими вещами. Обещания были только из вашего списка.

Я посмотрела на стену.

— Если попросят другой цвет, мы можем ещё поменять. Большую часть не красили.

— Не предлагайте заранее. Вам этот уже согласовали как часть подготовки. Если вопрос возникнет, обсудим.

— Я просто подумала...

— Я понимаю. Хочется помочь человеку выбрать. Но квартира остаётся квартирой с конкретными свойствами. Не надо успевать за каждым возможным пожеланием, которого ещё не прозвучало.

Андрей стоял у двери и крутил в пальцах крышку маркера. Я посмотрела на него, ожидая торжествующего выражения: сам он никогда не предлагал изменить цвет раньше просьбы покупателя. Никакого торжества не было.

— Делаем, что обещали, — сказал он. — А то мы опять в магазине окажемся.

— С двумя одинаковыми образцами, — вырвалось у меня.

Нина вопросительно подняла бровь. Мы коротко рассказали. Она засмеялась.

Нина осталась ещё на несколько минут. Мы сверили список, отделили завершённое от обещанного, посмотрели, какие бумаги ей уже переданы. Она предложила восемнадцатое для следующего подробного осмотра и сказала, что до него покупателям нужны фотографии хода работ, а отдельный дневной визит можно согласовать раньше. Оформление, если они подтвердят выбор, будет готовиться заблаговременно. Дата передачи оставалась прежней.

— Не ждите восемнадцатого, чтобы сообщить о проблеме, если она появится, — добавила Нина. — И не откладывайте мои вопросы по документам под конец месяца.

Мы обещали отвечать. Она спросила о третьем комплекте ключей.

Андрей похлопал себя по карману и поморщился.

— Сделал. Остался в студии, в ящике стола. Завтра заберу.

— Мне до следующего показа хватит, — сказала Нина. — Главное, чтобы он существовал.

Я вспомнила, что на следующий день собиралась в район студии забрать заказ из пункта выдачи.

— Могу зайти за ним. Всё равно буду рядом. Потом встречусь с Ниной, ей ко мне недалеко.

Андрей уточнил время.

— Ближе к двенадцати, — сказала я.

— Я буду. Только напиши перед выходом, у нас запись.

— Хорошо.

Нина внесла это в свой блокнот и ушла. У неё была следующая встреча; мы оказались не единственными людьми в городе, для которых продажа жилья сегодня значила больше квадратных метров.

Андрей снял лист со шкафа, чтобы лента не оставила следа. Я отнесла стаканы на кухню и наконец вспомнила про печенье.

— Будешь? — спросила я, доставая пачку.

— Сейчас не успею. В студию надо, Олег ждёт обсудить помещение. Можно с собой пару штук?

— Бери пачку.

— А ты?

— У меня дома есть.

Он взял пачку, поблагодарил и положил в сумку. Я не испытывала ни обиды, ни необходимости доказывать это. У него были собственные планы на вечер, заранее известные. Я тоже хотела домой, снять джинсы и есть что-нибудь из настоящей тарелки.

Мы ещё раз проверили окна, убрали за покупателями бахилы, выключили свет. У двери Андрей придержал пакет с мусором, пока я запираю замок. На секунду возникло прежнее ощущение: сейчас спустимся вместе и вместе решим, где купить хлеб. Оно было таким обыденным, что стало больно лишь потом, когда я уже вынула ключ.

— До завтра, — сказал он.

— До завтра.

Во дворе мы пошли в разные стороны. Я не оглянулась, но слышала его шаги ещё несколько секунд. Потом они смешались с остальными звуками.

Дома я сварила макароны, открыла ноутбук и ответила на оставшиеся рабочие письма. Через час пришло сообщение Нины: Виктория и Рустам заинтересованы, просят продолжать согласованную подготовку и держать их в курсе; окончательные вопросы обсудят отдельно. Я переслала сообщение Андрею, хотя он уже был в общем чате, и тут же написала: «Извини, дубль».

Он ответил: «Хороший дубль. Такой оставляем».

Я улыбнулась. Потом закрыла ноутбук, поставила тарелку в раковину и добавила в календарь студию на завтрашний полдень. У квартиры появился вероятный покупатель. У меня — причина впервые за пять лет увидеть место, где Андрей проводил свои дни.

Глава 6. Другая работа

Утром я написала Андрею, что буду около двенадцати, и получила номер кабинета. Студия занимала второй этаж невысокого здания, в котором прежде размещались какие-то городские службы. На первом работала мастерская по ремонту одежды, и возле лестницы стоял манекен без головы, в мужском пальто. Я поздоровалась с женщиной за швейной машинкой. Она показала наверх раньше, чем я успела спросить.

— На запись? Вторая дверь направо. Если красное горит, не открывайте внутреннюю.

На двери висела небольшая табличка. Никакой длинной очереди артистов, фотографий знаменитостей и диванов с бархатной обивкой. Просто небольшая студия, в которой люди зарабатывали своим ремеслом. Я остановилась, неожиданно смутившись: принести человеку ключи от квартиры казалось проще, чем забрать их на его территории.

В наружной комнате Олег сидел за столом с раскрытым календарём. Мы были знакомы ещё до развода, но за последние годы я пару раз встречала его на улице и ограничивалась приветствием. Теперь у него появилась короткая борода и очки, которые он держал на лбу, продолжая шуриться в экран.

— Марина? Заходи. Андрей предупреждал.

— Привет. Я за ключами. Не мешаю?

— Если не станешь стучать ложкой по батарее, мы переживём.

Он снял с соседнего стула две папки и предложил сесть. Я отказалась, собираясь быстро забрать своё, но из внутренней комнаты вышел Андрей с наушниками на шее.

— Привет. Я тут с ключами ошибся. Они в куртке, а куртка внутри. Пять минут подождёшь? Мы кусок допишем.

— Конечно.

Он посмотрел на мой пакет из пункта выдачи.

— Тяжёлый?

— Коврик для ванной. Я пока способна его держать.

— Поставь сюда, просто чтобы не стоять с ним.

Он освободил край стола. Я поставила пакет и села на предложенный стул. Андрей вернулся к работе, оставив наружную дверь приоткрытой. Олег спросил, не хочу ли кофе, и я попросила воды.

Внутри находились стол с техникой и окно в маленькую записьную комнату. За стеклом стояла женщина в сером платье, с листами в руках. Она говорила текст для театрального проекта: короткие обращения, которые должны были звучать между сценами. Через приоткрытую дверь я слышала обрывки и голос Андрея.

— Не надо заранее делать её виноватой. Она же пока только пришла. Попробуем с первой строки.

Женщина кивнула и прочла снова. Андрей слушал, не наклоняясь к экрану, с неподвижным лицом. Это была другая его неподвижность: не та, которой он встречал неудобный вопрос. Всё внимание было у человека за стеклом.

— Здесь хорошо. Теперь последнюю фразу отдельно. И можно не торопиться с «я подожду».

— Ты уже пятый раз просишь, — сказала женщина в микрофон. — Я сейчас действительно подожду, пока вы найдёте другую актрису.

— Пятый раз был мой: я поздно включил. К нему ты отношения не имеешь. Давай ещё один, и сделаем паузу.

Она засмеялась, отложила листы, взяла снова. Мне понравилось, что он признал свою ошибку так буднично. Не стал доказывать, кто устал больше, и не превратил извинение в событие.

Олег пододвинул мне стакан.

На стене за ним висела афиша любительского хора. Люди на фотографии стояли неровной линией: крайний мужчина заметно отстранился от остальных, чтобы не задеть плечом высокую женщину. Надпись внизу сообщала, что запись сделана в этой студии.

— Это у вас все поместились? — спросила я.

Олег посмотрел на афишу.

— Нет, мы к ним ездили. Здесь потом собирали. Это они нам прислали благодарность с фотографией, а Андрей повесил.

— Большой заказ?

— Обычный. Просто им было важно. Руководительница уходила, захотели сохранить программу, которую много лет пели вместе.

Я подошла ближе. Один мужчина прятал руки за спиной, другой держал раскрытую папку, хотя фотографировали, очевидно, уже после выступления. Женщина посередине смеялась, поворачиваясь к соседке. Снимок выбрали не самый торжественный.

— Они присылали несколько, — сказал Олег, заметив мой взгляд. — Андрей этот оставил. На остальных у всех лица такие, будто им сейчас скажут результат проверки.

Я вернулась на стул.

— Вы часто выезжаете?

— Бывает. В театры, в залы, к коллективам. Не всё человек может принести к нам в эту коробку. Потом приезжаем и разбираем, что привезли. Иногда слушаешь три часа, прежде чем поймёшь, что надо было передвинуть один микрофон на полшага.

— Обидно.

— Очень. Поэтому Андрей и ездит заранее смотреть помещение, если есть возможность. Не любит выяснять всё в момент, когда люди уже готовы петь.

Я представила его в незнакомом зале, среди стульев, кабелей и людей, у которых совсем другой повод нервничать. Обычно я знала только, во сколько он ушёл и когда обещал вернуться. Между этими часами теперь появлялись лица.

— Они уже второй час. Кусок маленький, а связывает половину спектакля. Режиссёр вчера снова поменял переходы.

— И вы сегодня всё переделываете?

— Не всё. Мы согласились на конкретные фрагменты. Иначе до ночи не выйдем.

Я посмотрела на расписание на стене — то самое, которое видела на фотографии. Вблизи оно оказалось ещё плотнее. Несколько окон обведены красным, другие перечёркнуты. Возле одного было написано «не двигать». Я знала этот язык. У любого творческого дела находилось место, где обычный календарь становился последним оборонительным сооружением.

Из внутренней комнаты донеслась новая попытка. Женщина запнулась в середине длинной строки и остановилась.

— У меня тут воздуха не хватает. Можно поделить?

— Сейчас глянем, — сказал Андрей.

Он вышел с листком, достал из висевшей у двери куртки ключи и протянул мне. Третий комплект был без синей метки, на простом металлическом кольце.

— Вот. Извини, заставил ждать.

— Ничего. Я и сама слушала.

Он заметил мой взгляд на листе.

— Что?

— Ничего. Профессиональная болезнь.

— Скажи. Если по тексту, я только за. Нам его сейчас всё равно возвращать на согласование.

Я взяла лист. Предложение начиналось с «несмотря на», потом делало ещё два поворота, прежде чем сообщало главное. Его действительно было трудно произнести одним дыханием, и актриса не имела к этому отношения.

— Здесь бы две фразы, — сказала я. — Сначала что она сделала. Потом почему всё равно ждёт. Смысл не меняется, но человек успеет услышать.

Я показала место карандашом, не перечёркивая чужие слова. Андрей посмотрел, кивнул.

— Спросим режиссёра. Просто без его согласия менять нельзя.

Олег сфотографировал предложенный вариант и отправил сообщение. Я вернула лист, чувствуя себя немного самозванкой. Пришла за ключами и за десять минут уже редактировала чужой спектакль.

— Могла бы промолчать, — сказала я.

— Ты сначала промолчала, — ответил Андрей. — Я спросил.

Он посмотрел на меня спокойно, без прежней готовности услышать в любом замечании оценку его способностей. Мне пришлось принять это как настоящее положение вещей.

Олег получил ответ: разделить можно, слова сохранить. Андрей вернулся внутрь. Актриса прочла два предложения, и я услышала разницу не потому, что участвовала, а потому, что наконец поняла, чего ждёт её героиня. Андрей попросил сделать ещё дубль с другой паузой. Даже хороший текст не отменял его работы.

Пока актриса отдыхала, он включил два варианта подряд. Из динамика донеслось то же «я подожду», сначала поспешное, потом с небольшой остановкой перед последним словом. Во втором женщина будто оставляла собеседнику возможность передумать.

— Вот этот, — невольно сказала я.

Андрей посмотрел через открытую дверь.

— Почему?

— В первом она уже решила, что он не вернётся. Во втором ещё спрашивает.

— Тамара, слышишь? — сказал он в микрофон. — Попробуем эту возможность оставить. Но чуть спокойнее, чтобы в зале не потерялась сама фраза.

Она прочла ещё раз. Андрей прослушал запись, сохранил нужное и отметил что-то у себя. Я ожидала, что он попросит снова, однако он снял наушники.

— Есть. Больше не мучаем.

— Точно? — спросила Тамара.

— Точно. Дальше я начну искать разницу там, где её нет.

Он бросил на меня короткий взгляд. Я вспомнила нашу стену и обеими ладонями прикрыла улыбку. Тамара ничего не поняла, но заметно расслабилась и поставила листы на подставку.

Мне было приятно знать причину его улыбки. И одновременно приятно, что почти всё остальное в этой комнате не имело ко мне отношения. Я могла просто смотреть, не исправляя происходящее и не спрашивая, какое место мне в нём отведено.

Я собралась уходить, но женщина вышла в наружную комнату, потирая шею, и заговорила со мной. Андрей представил нас по имени, без объяснения, кем я ему приходилась. Она поблагодарила за предложение и попросила Олега показать новую версию следующего фрагмента.

— Мы пять минут отдохнём, — сказал он. — Потом последний кусок, и всё. После вас другой человек.

— Я уже сама хочу быть другим человеком, — ответила Тамара и ушла к раковине.

Андрей убрал наушники на крючок, налил себе воды. Он выглядел уставшим. На виске осталась тонкая красная полоска от оголовья, голос стал ниже. Мне хотелось сказать что-

нибудь привычное о том, что он опять себя загоняет, но я не знала, как часто он так работает. И знала, что сегодня пришла на двадцать минут.

— У вас долго ещё? — спросила я.

— До двух эта запись. Потом обработка. Олег с трёх принимает другого клиента, я перейду за соседний стол.

— Если мы наконец перестанем вдвоём присутствовать на всём, ты сможешь иногда не переходить, а уходить, — сказал Олег.

Он говорил без злости, но по тону было слышно: разговор начался не сегодня.

Андрей потер ладонью шею.

— Давай после Тамары.

— После Тамары будет сверка. После сверки — клиент. Я не прошу сейчас всё решить. Дай время, когда мы сядем и распишем.

Я взяла свой пакет. Не хотелось становиться слушателем ссоры, в которую меня никто не приглашал. Олег заметил движение.

— Извини, Марина. Это не секрет. Мы просто давно делим работу вслух, а расписание остаётся прежним.

— Я могу уйти.

— Ты можешь остаться, — сказал Андрей. — Ничего личного. Олег предлагает разделить запись и часть обработки между нами. Чтобы не делать всё по очереди на одном месте.

— И не ждать друг друга, когда это не нужно, — добавил Олег. — Местные сессии я могу вести сам. Ты лучше собираешь большие проекты и чистишь сложные куски. Не обязательно сидеть у меня за спиной, пока человек читает два часа, если мы заранее договорились, что именно пишем.

— Не с каждым проектом получится, — сказал Андрей.

— Конечно. Я про конкретные. Те, которые мы уже обсуждали.

Он показал две строки в календаре. Андрей посмотрел на них, задал вопрос про сроки передачи материалов, Олег ответил. Разговор, который Андрей собирался отложить, занял всего несколько минут. Теперь у них хотя бы были два названия и конкретные сроки, о которых можно спорить.

— У тебя же и свои договорённости есть, — сказала я Олегу. — Если местных записей станет больше, ты всё возьмёшь?

Он усмехнулся.

— Вот. Нет, не всё. Мне нельзя отдать вообще весь город, а потом звонить и удивляться, почему я не ответил. Какие-то дни оставлю под свои заказы. И плату нужно считать по работе, а не по дружбе.

— Это никто не оспаривает, — сказал Андрей.

— Хорошо. Тогда перестанем обсуждать как идею и попробуем на двух проектах.

Тамара вернулась, неся пустую кружку. Олег отодвинул календарь. Андрей посмотрел на часы, потом предложил завтра к десяти обсудить эти два проекта. Олег записал.

— Я напомним.

— Напомни, — согласился Андрей.

На календаре появилась новая строка. Олег дважды подчеркнул время и положил ручку.

Я попрощалась. Андрей проводил меня до лестницы и на ходу уточнил время завтрашней работы в квартире. Я предложила после шести; он сказал, что освободится к половине седьмого. Мы согласились на половину седьмого, не проверяя, кто кому уступил.

— Как вчера помещения? — спросила я уже у перил.

— Один вариант отпал. Слишком много нужно вложить, а места в итоге почти столько же. Другой ещё посмотрим.

— Расстроился?

— Немного. Я успел поставить туда тот самый хороший стул.

Он улыбнулся, но усталость никуда не делась. Я узнала эту способность — представить готовую комнату раньше, чем выяснить, можно ли ею пользоваться. Только теперь не стала объяснять, как нужно было поступить.

— Стул пока подождёт, — сказала я.

— Он терпеливый. Скрипит другой.

Мы улыбнулись одновременно. Из студии Олег позвал Андрея. Он повернул голову, отозвался и снова посмотрел на меня.

— Спасибо за текст.

— Там работы было на минуту.

— Всё равно.

Я спустилась. Манекен внизу теперь был без пальто, зато с белым воротником. Женщина за машинкой спросила, записалась ли я удачно. Я сказала, что ничего не записывала, забирала ключи, и она совершенно не заинтересовалась объяснением.

На улице я остановилась под навесом, потому что начинался мелкий дождь. Нина ждала от меня сообщения; я позвонила, договорилась передать комплект по дороге и убрала его в отдельный карман. С ним всё было просто. Намного сложнее оказалось разложить по местам увиденное.

За пять лет у Андрея появилась жизнь, о которой я почти ничего не знала. Не пауза перед моим возвращением, не набор отговорок для сообщения «занят». Там были люди, которым он помогал, задачи, с которыми справлялся, и решения, которых по-прежнему избегал. Я не получила ни оправдания ему, ни нового обвинения. Только возможность увидеть больше, чем успевала из нашего квартирному чата.

Я передала ключи Нине у соседнего дома. Она проверила бирку, поблагодарила и побежала дальше. А я дошла до остановки пешком, прикрыв пакет с ковриком от дождя.

Вечером, готовя материалы к рабочей встрече, я разделила одно тяжёлое предложение на два. Потом снова соединила: здесь пауза меняла смысл. Работа не стала легче оттого, что у меня был повод улыбнуться. Но улыбка всё-таки осталась.

Глава 7. Кто здесь жил

Седьмого сентября я принесла в квартиру ноутбук и два конверта: один для чеков, второй для бумажек, которые выглядят как чеки, пока не попробуешь что-нибудь по ним проверить. Андрей явился в половине седьмого с пакетом креплений и сказал, что конвертов мало. По его мнению, требовался третий: для бумажек, которые точно понадобятся сразу после того, как их выбросишь.

— Их место в баночке, — ответила я.

Баночка из-под кофе стояла возле стены. Шурпы постепенно приобретали компанию, хотя квартира, судя по списку, должна была избавляться от лишнего.

Мы сели за складной стол. Я открыла таблицу, Андрей выложил чеки и мелочь, которую достал вместе с ними из кармана. Один чек свернулся в тугую трубочку. Я придавила его телефоном.

— Этот не наш, — сказал он, глядя на экран.

— Из магазина третьего числа?

— Да, но вот эту строку убери. Кабель я себе брал, для студии. На соседней кассе, случайно сфотографировал вместе.

Я сверила снимок, поправила сумму. Потом обнаружилась моя пачка мусорных пакетов, которую я оплатила и забыла добавить. К концу получаса расходы собрались в понятный итог. Мы учли уже купленное, оставили запас на то, что ещё обсуждалось, и договорились окончательно свести расчёты перед передачей. Промежуточную разницу Андрей перевёл сразу. Я пометила перевод и закрыла банковское приложение.

— Ты не обязана всю бухгалтерию на себя брать, — сказал он.

— Мне удобно. Я всё равно проверяю.

— Да, это я помню.

Я подняла голову. В его голосе было достаточно тепла, чтобы не услышать упрёк, но я всё равно услышала.

— Если тебе кажется, что я контролирую...

— Мне кажется, что у тебя это лучше получается. Я могу чеки складывать в один конверт, а не в восемь карманов. Это моя часть.

Он сгреб бумажки и послушно положил их внутрь. На конверте я написала «Ремонт», протянула ему маркер. Андрей добавил дату.

— Теперь официальный документ, — сказал он.

Я усмехнулась и убрала ноутбук на край стола.

— С Олегом поговорили?

— Утром. Разобрали два заказа. На одном он ведёт запись сам, я потом беру монтаж. На другом вместе: там несколько человек, он один не вытянет. Пока посмотрим, сколько это по времени съест на передаче материалов.

— Уже начали?

— Первый только через несколько дней. До этого надо всё одинаково подготовить. И выяснить, что мы каждый подразумеваем под словом «готово».

— У меня на это обычно уходит половина проекта.

— Надеюсь, мы справимся раньше.

Он не стал расписывать красивую новую систему. Достал телефон, поставил себе напоминание отправить Олегу список и вернулся к квартире. Мне понравилось, что разговор у него продолжился и после назначенного часа; он не выглядел раз и навсегда закрытым выполненной галочкой.

Сегодня нам предстояло отмыть оставшийся участок кухни и подготовить стену возле балконной двери. Андрей сдвинул небольшой комод, который оставался от прежних лет и входил в перечень вещей для покупателей. За ним обнаружили детская наклейка и тёмная полоса на стене. Наклейка изображала динозавра с фиолетовым животом; одну лапу успели оторвать.

— Вот и привет от жильцов, — сказала я.

Андрей наклонился.

— Этот, наверное, от последних. У них дочь любила динозавров.

— Они жили с ребёнком?

— Да. Я говорил, когда заселялись. Три года здесь были.

Я вспомнила анкету, которую он присылал. Два взрослых, ребёнок, сроки, условия. Тогда я посмотрела доход и перечень документов, а потом вернулась к работе. Имя девочки не сохранилось в памяти. Зато раздражение от наклейки возникло мгновенно, как будто мне лично намеренно испортили стену.

— Снять получится? — спросила я.

— Попробуем аккуратно. Всё равно этот участок готовить.

Я принесла тёплую воду и губку. Андрей отлепил свободный угол, но бумага порвалась. Динозавр остался на стене с половиной головы и выглядел теперь упрямее прежнего.

— Он не согласен с продажей, — заметила я.

— Он ещё не видел варианты переезда.

Мы оставили наклейку размокать и занялись шкафами. На внутренней стороне нижней дверцы приклеилась маленькая прозрачная прокладка, чтобы она не хлопала. Я поддела край ногтем.

— Это тоже убираем?

Андрей посмотрел.

— Зачем? Полезная вещь. Я и не замечал, что они поставили.

Я убрала руку. Под раковиной лежало вырезанное по размеру защитное покрытие. В ящике аккуратно держалась перегородка для приборов, которой при нас не было. Чем внимательнее я смотрела, тем больше находила обычных следов того, что люди здесь жили: что-то портилось, что-то улучшалось, что-то приспособлялось под их руки.

Из глубины ящика я вытащила пластиковую крышку. На ней было написано имя чёрным маркером. Наверное, от контейнера, с которым носили еду на работу. Я положила её отдельно.

— Напишешь им? Вдруг ищут.

Андрей сфотографировал крышку и отправил. Ответ пришёл почти сразу: можно выбросить, контейнер давно разбился. Следом женщина спросила, нашли ли мы все ключи от нижнего шкафчика в прихожей. Она положила их на внутреннюю полку, потому что в последний вечер боялась потерять в сумках.

Андрей показал мне экран. Я пошла проверять и нашла два маленьких ключа на красном шнурке. Они лежали за бортиком, где при быстром осмотре их было не видно.

— Вот эти? — спросила я.

Он снял и отправил ещё одну фотографию. Женщина подтвердила, пожелала удачной продажи. Я хотела попросить передать ей спасибо за то, что напомнила, но Андрей уже набирал благодарность.

— В чём дело? — спросил он, заметив, что я продолжаю держать ключи.

— Ни в чём. Я сюда зашла и всё время замечаю, что они испортили. А они даже такую мелочь вспомнили.

— После переезда легко забыть. У них самих там ещё коробки.

Я положила ключи в кухонный ящик, в отдельный пакет с подписью для покупателей. В этот момент квартира впервые показалась мне местом, где люди сменяли друг друга, стараясь оставить после себя хоть какой-то порядок. Не всегда получалось. Но желание было видно.

Я представила маленькую девочку на корточках возле комода. Ей, вероятно, нравилось секретное место, где можно спрятать любимого динозавра. Нам тоже нравились некоторые не самые удобные решения в этой квартире. Чужие отличались лишь тем, что я не знала, как они появились.

— Хорошие были жильцы? — спросила я.

— Нормальные. Платили, предупреждали, когда что-то ломалось. Один раз мы поспорили из-за ремонта стиральной машины, но разобрались.

— Я помню перевод.

— Они ещё новую ручку на балкон поставили. Старая заедала. Я предлагал вызвать мастера, у них свой был, прислали чек.

Я пошла посмотреть. Ручка открывалась легко. В первые дни я несколько раз пользовалась ею и не задумалась, откуда взялась эта исправность.

Андрей подошёл к окну и проверил, высох ли подготовленный участок. Я спросила, почему они съехали.

— Сняли ближе к работе. Сказали, давно думали. Мы предупредили о продаже, они нашли подходящее. Нормально получилось.

Он пожал плечом. Для него эти люди были людьми, с которыми он разговаривал; для меня до сегодняшнего дня — строками поступлений. Я намочила губку и вернулась к динозавру. Теперь хотелось снять его аккуратнее.

Полчаса спустя на стене осталось только светлое пятно. Я сложила обрывки в маленький пакет, вытерла воду. Злость на жильцов прошла, не найдя себе другой причины.

Андрей переставлял комод, когда из-под нижнего ящика выпала пластиковая защёлка. Я подняла её, не узнала, положила в баночку. Там нашлось место и для вещи с неизвестной должностью.

Мы работали молча, пока я не добралась до полки над кухонной дверью. Она была пустой и пыльной. Сверху лежал кусок старого картона, на котором когда-то записали размеры. Я стёрла пыль, разглядела собственный почерк и почувствовала странное раздражение уже на нас.

— Пять лет можно было держать всё в порядке и всё равно ничего не решать, — сказала я. Андрей остановился с отвёрткой в руке.

— Ты про квартиру?

— Да. То жильцы, то кредит, то неудобно сейчас. Мы ведь могли продать раньше.

— Могли.

Он поставил отвёртку на стол. Я ожидала перечисления причин, которые и сама знала: стабильный доход, остаток кредита, работа, необходимость встречаться. Он не начал.

— Меня устраивало, что отложили, — сказал он.

— Меня тоже. По деньгам было разумно.

Он провёл пальцем по ручке комода, убирая приставшую нитку.

— Не только по деньгам.

Я перестала тереть картон. Андрей стоял боком, и я видела только щёку и край его рта.

— Пока она оставалась, не нужно было снова приходить сюда и всё выносить. Можно было просто отправлять показания и решать мелкое. Я умел решать мелкое.

Я посмотрела на его связку ключей, лежавшую возле конверта. Синяя изолента вытерлась почти до белого на сгибе.

— Ты сам говорил, что продавать пока невыгодно.

— Да. Это тоже было правдой. Но я особенно не проверял, когда станет выгодно. Удобно было не проверять.

В горле стало тесно. Мне не хотелось, чтобы он признался в чём-нибудь таком, на что я должна была немедленно ответить. Ещё меньше хотелось оборвать его шуткой.

— Ты надеялся... — начала я и остановилась.

Андрей покачал головой, не дожидаясь окончания.

— Я не жил в ожидании. Ты вчера видела кусок моей жизни, есть и другое. Просто здесь было что-то, что я не хотел окончательно разобрать.

— Понятно.

Я услышала своё дежурное слово и рассердилась на его скудость. Мне было совсем не просто понятно. Я стояла посреди кухни с грязной тряпкой и не знала, куда девать нежность, которая ещё ничего хорошего не обещала.

— Когда ты предложил сдавать, я сразу согласилась, — сказала я. — Мне тоже было удобно. Не надо выбирать, что забрать, кому показывать. Можно ответить на сообщение и считать, что занимаешься вопросом.

— Ты тогда только вернулась, много было дел.

— Да. Но потом дел тоже хватало. Они всегда есть.

Я свернула тряпку и развернула снова. На ткани осталась серая полоса. Андрей молчал, не спеша облегчить мне объяснение.

— Я думала, если приеду всё разбирать, ты решишь, что мне это ничего не стоит. Что я просто освободила вечер и готова всё выкинуть. Поэтому не приезжала. Глупо.

— Я бы так не решил.

— Ты не знаешь.

Он посмотрел на меня, потом кивнул.

— Не знаю. Тогда я много чего думал. Иногда специально выбирал самое обидное объяснение.

Я узнала эту работу. Её можно было делать в одиночку, и материал для неё никогда не заканчивался.

— Я тоже, — сказала я.

Вечерний свет полз по кухонному столу. На белой поверхности лежали наши щеки, конверт с датой, два прозрачных стакана. Всё выглядело удивительно мирно. Я достала свернувшийся чек, который мы уже учили, и снова придавила телефоном. Потом положила ладони на стол и оставила их в покое.

— Сейчас ты приехала, — сказал Андрей.

— Сейчас да.

Он подвинул мне стакан с водой. Я выпила, чувствуя, что не обязана придумать ещё одну фразу, которая закончит разговор правильно.

— Я думал оставить эту кружку, — сказал Андрей после паузы. — Из коробки. Дома поставил, а потом полвечера злился, что ободок сколот.

— Она всегда была сколота.

— Именно.

Я положила тряпку на край раковины.

— У меня дома до сих пор лежит твоя открытка.

Он повернулся.

— Какая?

— С маяком. Ты из поездки прислал. В первый год, когда мы уже здесь жили. Там адрес написан так, что почтальон совершил профессиональный подвиг.

Андрей усмехнулся, но не ответил сразу. Я продолжила, потому что легче было договорить сейчас, чем пожалеть и превратить сказанное в случайность.

— Она всё время была со мной. В папке между документами. Я несколько раз разбирала папку, собиралась выбросить ненужное и опять оставляла.

— Я не помню, что написал.

— Ничего великого. Что море холодное и в гостинице очень тонкие стены. Ещё что привезёшь мне камень, если не потеряешь.

— Потерял?

— Нет. Привёз. Он у меня тогда всё время падал с полки.

Камня давно не было: я не вспомнила, куда он делся. А открытка оставалась, потому что на ней он впервые написал наш общий адрес издалека. На обороте было ещё «к тебе», маленькими буквами возле марки. Этого я пока не произнесла.

Андрей взял отвёртку и снова положил.

— Я рад, что ты её не выбросила.

— Это не значит, что я хотела обратно.

Фраза вылетела слишком быстро. Я увидела, как изменилось его лицо, и пожалела о резкости. Он не требовал обещания, а я уже защищалась от него.

— Я понял, — сказал он.

— Я просто... Не хочу сейчас делать из вещей выводы за нас обоих.

— Хорошо. Не будем.

Он повернулся к комоду. Я осталась у раковины, слушая, как коротко стукнул инструмент. На этот раз молчание не было наказанием, но мне всё равно хотелось чем-нибудь его заполнить.

— И я рада, что ты взял кружку, — сказала я.

Андрей поднял глаза. Кивнул. Этого хватило, чтобы я снова могла двигаться по комнате без чувства, будто наступила на чужую руку.

Мы вернули комод на место, оставив нужное расстояние до стены, и сфотографировали готовую кухню для Нины. Перед уходом я поднялась на стремянку в прихожей: в верхнем отсеке оставался пустой картон, который мы решили вынести.

Андрей придерживал стремянку. Я вытащила сложенную коробку, зацепив ею крышку соседней, и наклонилась поправить. Между ёлочными украшениями лежала тонкая рамка для фотографии, пустая. Я помнила снимок, который в ней стоял, но самой фотографии не увидела.

— Это потом? — спросил он.

— Потом. Мы же оставили на конец месяца.

Я закрыла крышку и не стала искать снимок. Если он потерялся, это не отменяло ни одной даты. Если лежал где-нибудь внутри, мог дожидаться следующего разбора.

Когда я спустилась, Андрей принёс с кухни вымытые инструменты. Мы сверили завтрашний список: второй слой там, где готово, затем оставшийся угол. Я предложила приехать к семи после работы, он подтвердил. Фотографии Нине отправили вместе с коротким объяснением, что сделано и что ещё впереди.

У двери я увидела, что Андрей забыл связку на столе, и протянула её ему. Синяя метка легла мне на ладонь. Он взял ключи осторожно, за кольцо.

— Эту изоляцию пора заменить, — сказала я.

— Скоро уже не понадобится.

Я кивнула. Мы вышли, и он запер дверь.

Дома я достала открытку с маяком. Бумага пожелтела по краям, на сгибе от случайной складки краска стёрлась. Я прочла короткое сообщение, улыбнулась невозможному адресу и положила открытку в ящик стола. Теперь она лежала рядом с жестяной коробкой. Больше в тот вечер я ничего не разбирала.

Глава 8. Как раньше — не значит хорошо

К семи я успела устать от людей, которых даже не видела. Весь день они появлялись в наушниках, требовали выбрать одно из двух одинаково неудачных названий, исчезали и возвращались с третьим. В квартиру я вошла с желанием делать что-нибудь руками и ни с кем не обсуждать смысл происходящего.

Андрей раскладывал инструменты. Он спросил, как день, и я ответила:

— Хочу покрасить что-нибудь, что не умеет спорить.

— Есть стена. Пока тихая.

Он отдал мне маленький валик. Я переделалась, убрала волосы, и мы взялись за готовый участок. Второй слой ложился ровнее первого. Вечерний свет уже не давал сравнивать оттенки, зато мы знали, что выбрали нужный. Я старалась не торопиться у краёв и почти получала удовольствие от того, что результат виден сразу, а слова «может быть, вернёмся к первоначальному» никто не произносит.

Через час Андрей спросил, не сделать ли перерыв. Я отмахнулась: оставалось совсем немного. Он не спорил, закончил свою часть и пошёл мыть инструмент.

Я осталась перед стеной одна. На нижнем крае обнаружилась капля, я попыталась убрать её слишком поздно, размазала и тихо выругалась. Андрей выглянул из кухни.

— Сильно?

— Нет. Только самолюбие.

Он подошёл, посмотрел.

— Дай высохнуть. Завтра поправим это место.

Я кивнула. Хотелось немедленно исправить, чтобы не уходить с собственной ошибкой перед глазами, но рука уже устала. Я положила валик. Он помог собрать плёнку там, где больше не требовалась защита, и мы отнесли мусор к входу.

Когда я вернулась из ванной, на столе стоял большой бумажный пакет. Пахло тёплым рисом, соусом и чем-то жареным.

— Я по пути забрал, — сказал Андрей. — Твои любимые. Думал, после работы пригодится.

В прозрачной коробке лежали запечённые роллы со сладким соусом. Когда-то я могла есть их в любое время суток и искренне считала удачной едой к домашнему вечеру. Сейчас от вида блестящих шапочек захотелось холодной воды и чего-нибудь хрустящего.

— Ты пять лет хранил мой рацион в неприкосновенности? — спросила я.

Улыбка у него исчезла.

— Я просто купил поесть.

— И сразу точно знаешь, что я хочу.

Он поставил вторую коробку на стол чуть жёстче, чем собирался.

— Ты их любила. Я не придумал.

— Любила. Пять лет назад.

— Хорошо. Могла просто сказать, что не будешь.

Я повернулась к раковине, хотя мыть там больше было нечего. Слова уже прозвучали, и вернуть их без усилия не получалось. Мне хотелось, чтобы он заметил разницу между вчерашней мной и сегодняшней, а он принёс еду, не имея шанса узнать о разнице. Я стояла спиной и сердито смотрела на чистую металлическую поверхность.

— Могла, — сказала я.

Андрей не ответил. Я повернулась.

— Я не хочу эти роллы. Спасибо, что купил. Прости, что сразу на тебя напала.

Он кивнул, но коробку не открыл.

— Ты их больше вообще не ешь?

— Почти нет. Мне теперь слишком сладко и тяжело. Хочется другой еды. Но дело не только в еде.

Я замолчала, подбирая простые слова. На работе я бы сейчас начала с цели разговора, обозначила ожидания и получила по заслугам.

— Я за эти дни сама всё время ловлю себя на том, что отвечаю старому тебе, — сказала я. — В магазине уже собралась разговаривать вместо тебя. Хотя ты меня не просил. И сейчас услышала «твои любимые», и как будто меня тоже достали из коробки.

Андрей сел на стул. Некоторое время разглядывал пластиковую крышку.

— А мне казалось, хоть в чём-то могу не ошибиться. Купить знакомое.

Я потянула к себе второй стул, но не села.

— Ты раньше не ошибался. Я правда их любила.

— Ладно. А что сейчас?

Вопрос был задан с усталостью, и всё же он был настоящим.

— Овощи. Зелень. Что-нибудь острое. И хлеб, — сказала я. — Очень содержательные перемены, как видишь.

Он поднял глаза.

— Хлеб одобряю. У меня в квартире теперь две хлебницы, потому что я забыл, что одну уже заказал.

Я не удержалась от улыбки.

— Могу составить таблицу хлебниц.

— Они обе уже учтены. Одна пока работает ящиком для лекарств.

В голос вернулось знакомое тепло, но я не хотела делать вид, будто колкости не было. Подвинула к нему роллы.

— Ты их ешь?

— Да. Я и себе взял. Ничего не пропадёт.

— Тогда я закажу салат и лепёшки. Здесь недалеко есть место, откуда мне на работу привозят. Будешь?

— Попробую.

Я открыла приложение, показала ему два варианта. Он выбрал тот, где меньше острого, и спросил, можно ли соус отдельно. Я добавила пожелание и оплатила. Курьеру потребовалось около получаса. Мы могли за это время закончить мелкое, но инструменты уже были вымыты, а работа на сегодня сделана.

— Я могу забрать своё домой, — сказала я, глядя на время доставки. — Если тебе надо ехать.

— Мне не надо. А тебе?

— Мне тоже.

Мы оставили заказ на этот адрес.

Андрей нашёл в шкафу две обычные тарелки, которые были включены в оставляемую посуду. Я вымыла их, хотя они выглядели чистыми. Бумажные стаканы почти закончились; пришлось поискать ещё два стеклянных. Один оказался чуть выше другого, и мы поставили их как есть.

Он перенёс стол ближе к окну, я собрала с него конверт с чеками и убрала в шкаф. На этот раз я не раскладывала рядом следующий список. Карандаш остался в сумке.

Пока ждали, Андрей рассказал про хлебницы. Он заказал первую поздно вечером после записи, забыл, а через несколько дней купил другую в обычном магазине. Когда пришло уведомление о посылке, он решил, что это очередная нужная мелочь для студии, и поехал за ней между встречами.

— Олег потом полдня спрашивал, что у нас со звуком. Говорил, появился хлебный оттенок.

— Ты принёс её в студию?

— Я же не знал, что в коробке. Вскрыл при нём. Он предложил записать, как закрывается крышка. У неё очень хороший стук.

— Записали?

— Записали. Теперь если где-нибудь услышу эту крышку, буду требовать, чтобы в титрах указали хлебницу.

Я засмеялась. Андрей рассказывал без старания меня развлечь, просто вспоминал день, который его самого позабавил. Мне стало интересно, что ещё в его жизни я никогда не слышала.

Я ответила историей о коврике, который забрала накануне. Заказывала небольшой, ровно под свободное место в ванной, все размеры проверила. Но забыла, что дверь открывается внутрь. С толстым мягким ковриком она перестала закрываться.

— Возвращать будешь? — спросил Андрей.

— Уже оформила. Вчера полвечера искала, как упаковать обратно настолько аккуратно, чтобы было видно: коврик ни в чём не виноват.

— Можно было дверь снять.

— У меня съёмная квартира. Хозяйка любит дверь больше, чем мой коврик.

Он посмотрел на меня, дождался, когда я закончу смеяться, и спросил, давно ли я там живу. Я назвала срок. После возвращения из Москвы я сначала снимала другое жильё, потом переехала ближе к работе. В нынешней квартире были неудобная ванная, хороший свет и возможность дойти до офиса пешком.

— Тебе там нравится?

— Да. Я наконец перестала покупать вещи с мыслью «пока проживу так». Даже если это не моя квартира.

— С хозяйкой нормально?

— Нормально. Она один раз спросила, зачем мне столько книг. Я сказала, по работе. Она тут же успокоилась: значит, нужные.

— А ты правда столько покупаешь?

— Гораздо меньше, чем хочу. Я ещё научилась не дочитывать то, что мне не нравится.

Андрей посмотрел с притворным недоверием.

— Серьёзное изменение. Ты же раньше могла полвечера рассказывать, как ужасно написано, а потом всё равно дочитывала.

— Теперь полвечера рассказываю и закрываю. Экономия времени колоссальная.

Он засмеялся. Я вспомнила одну недавнюю книгу, честно не дочитанную после сотой страницы, и принялась объяснять, что именно меня разозлило. Андрей слушал с тем выражением, которое сразу выдавало человека, готового поддаться.

— Что?

— Ты уже семь минут рассказываешь. До какой страницы нужно было дойти, чтобы история заслужила меньше времени?

Я бросила в него скомканную салфетку. Он поймал, удивился собственной ловкости и аккуратно положил на край стола.

— Я понял. Книга плохая, разговор хороший.

— Именно. В следующий раз начинай с этого.

Мне стало легко. Я давно не позволяла себе так увлечённо ругать вымышленного героя человеку, который знал, что возмущение может быть частью удовольствия. Не нужно было предварительно объяснять, почему редактор вообще читает после работы.

Он кивнул.

— У меня подоконники хорошие. Я впервые попробовал что-то выращивать.

— У тебя?

— Вот. Опять старый я из коробки.

Я подняла ладони.

— Принимается. Что выращиваешь?

— Базилик. Первый не выжил. Второй пока держится. Я с ним не разговариваю, если ты об этом.

— Я не об этом. Я хотела спросить, ты его ешь или жалеешь?

Андрей задумался.

— Жалею. Он такой небольшой.

Мы рассмеялись снова. Я уже представляла горшок у его окна и то серьёзное выражение, с которым он решает, можно ли растению отдать один лист ужину. В представлении не было меня. И всё же хотелось увидеть.

Позвонил курьер. Я спустилась сама, вынесла заодно пакет с обычным мусором. На лестнице было прохладно; у подъезда стояли две женщины и обсуждали отопление. Я взяла тёплый бумажный пакет, поблагодарила и поднялась обратно. Андрей открыл дверь раньше звонка — услышал шаги.

От этого маленького движения меня вдруг кольнуло в груди. Я быстро прошла на кухню, чтобы не застыть с пакетом на пороге.

Мы разложили еду по тарелкам. Андрей открыл соус, осторожно попробовал, потом добавил немного ещё. Я взяла кусок лепёшки, он подвинул салат ближе к середине. Роллы остались у него.

— Вот это мне нравится, — сказала я после первого кусочка.

— Запоминать или каждый раз уточнять?

Я посмотрела на него.

— Запоминать можно. Уточнять тоже.

Он улыбнулся и кивнул. Вопрос прозвучал с шуткой, но ответ я дала серьёзно.

Я попробовала оторвать лепёшку ровно пополам. Она порвалась на большой и маленький куски, и Андрей взял маленький, пока я возилась с соусом.

— Возьми нормальный, — сказала я.

— Мне хватит.

— Ты всегда так говоришь, а потом доедаешь то, что осталось.

Он замер с хлебом в руке.

— Иногда мне правда хватает.

Я посмотрела на его тарелку. Там лежали роллы, салат и кусок лепёшки.

— Ладно, — сказала я. — Тогда большой мне.

— Смелое решение.

Я взяла большой кусок. Мы поели несколько минут молча. Тёплый хлеб пах сильнее краски; открытое окно выпускало из комнаты дневную духоту. Андрей снял часы и положил возле стакана, потому что ремешок мешал опираться на стол. На запястье осталась бледная полоса.

Я заметила её и быстро перевела взгляд на еду. Мне слишком хорошо была знакома эта часть его руки, хотя часы теперь были другие. Он спросил, не закрыть ли окно. Я ответила, что пока хорошо. Никакого другого вопроса он не задал, и я смогла не делать вид, будто срочно отвлеклась на телефон.

Через пару минут я всё же призналась, что подуло в спину. Андрей прикрыл створку и вернулся на место.

За окном темнело. В соседнем доме одно за другим загорались окна; кто-то натянул яркую гирлянду на балконе, и она всё время меняла цвет. Андрей сказал, что раньше на этом

месте стояла тарелка спутниковой антенны. Я вспомнила, как ветер однажды раскачивал её ночью. Мы оба посмотрели на окно, а потом он спросил, что за спорящие названия так испортили мне день.

Я объяснила. Курс предлагали назвать так, будто после него жизнь обязана немедленно наладиться. Я пыталась вернуть в название то, чему там действительно учили.

— И как назвали?

— Пока никак. Зато убрали слово «навсегда».

— Уже успех.

— Я так тоже сказала. Меня не все поддержали.

Он попросил рассказать, чему учили. Я начала кратко, потом увлеклась и заметила, что он слушает, не поглядывая на часы. Несколько раз спросил о людях, для которых сделан курс. Вопросы заставили меня сформулировать то, что я сама слишком долго объясняла служебными словами.

— Тебе надо иногда давать читать наши описания, — сказала я.

— Я могу не понять.

— Именно.

Он отломил ещё кусок лепёшки.

— Только после ужина. А то опять начнём работать.

Я закрыла телефон, который уже успела достать, и положила в сумку. Мы поговорили о городе: где перекрыли улицу, почему исчез маленький книжный у его старого маршрута, как Нина умудрялась помнить, у кого из клиентов какой шкаф. Разговор не требовал большой темы. Иногда мы молчали, и тогда я слышала, как он аккуратно ставит стакан на стол, чтобы не задеть коробку с едой.

К половине десятого пришлось расходиться. Я помыла тарелки, Андрей вытер стол. Остатки мы разделили в пакеты: ему роллы, мне половину салата. Он спросил, оставить ли лепёшку мне, и я сказала, что возьму один кусок.

У двери я задержалась, застёгивая сумку.

— Спасибо за вечер, — сказала я.

Андрей поднял глаза.

— Тебе спасибо.

Я могла бы добавить «за помощь с ремонтом», чтобы вернуть фразу в привычные границы. Не добавила.

Мы вышли вместе, спустились на лифте и у подъезда пожелали друг другу спокойной ночи. Андрей поднял воротник куртки и пошёл к машине. Я направилась к остановке с пакетом в руке. Еда давно перестала греть через бумагу, но ладонь всё ещё хранила тепло.

Глава 9. Своя версия

Светлана узнала про ужин из моего голоса. Я позвонила спросить, в каком кафе мы встречаемся, сказала три совершенно обычные фразы, и она сразу уточнила:

— У тебя что хорошего?

— Цвет стен выбрали, — ответила я.

— Ещё раз?

— Нет, теперь покрасили.

— Ясно. Приходи, расскажешь про великий ремонт.

Мы встретились в обед недалеко от моей работы. Светлана сидела за столиком у окна, перед ней стоял суп и лежала туфля. Вторую она оставила на ноге.

— Не спрашивай, — сказала она. — Подошва отходит. Я думала, вон там ремонт, а там теперь делают ногти. Слова похожие, результат другой.

Я села напротив и постаралась не смеяться.

— Ты можешь купить клей.

— Могу. Но тогда сегодня все мои решения будут приняты человеком, который уже попытался отремонтировать обувь в маникюрном салоне. Лучше я поем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.